Багалей, Д. И.

Издания сочинений
Г. С. Сковороды

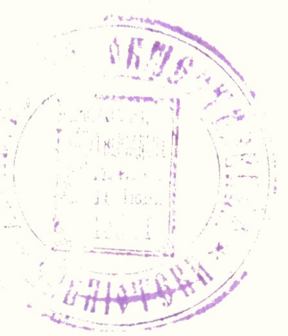

Д. И. Багалѣй.

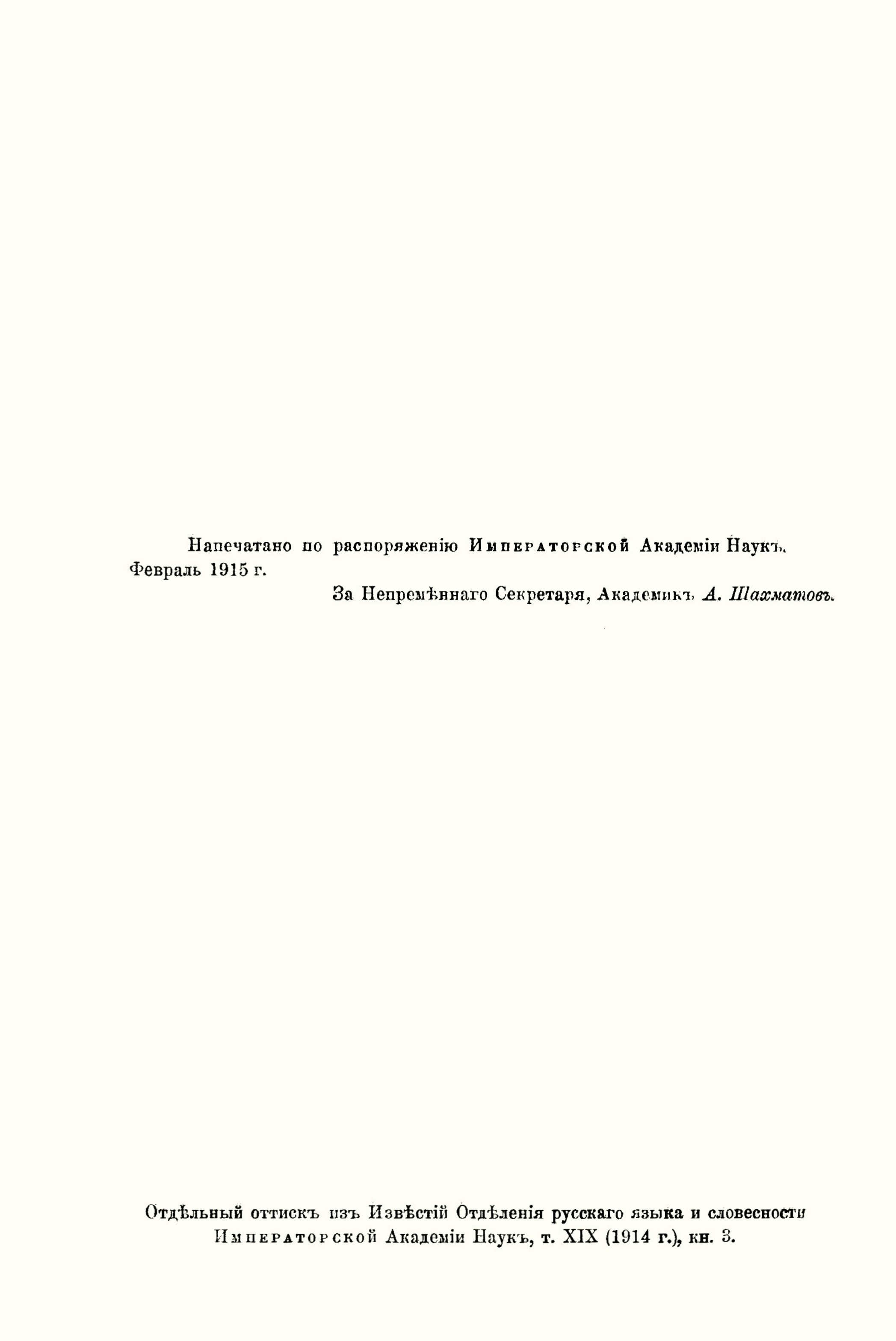
ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ Г. С. СКОВОРОДЫ И СОСТОЯЩІЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ НИМИ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О НЕМЪ.

(Къ 120 годовщинѣ со времени его кончины: 1794—1914 г.).

I—VIII.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1915 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Шахматовъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, **т. XIX (1914 г.), кн.** 3.

Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и стоящія въ связи съ ними изслѣдованія о немъ.

(Къ 120 годовщинѣ со времени его кончины—1794 г.—1914 г.).

I.

Григорію Саввичу Сковородѣ давно уже (вѣроятно, еще при жизни его и во всякомъ случаѣ вскорѣ по смерти, послѣдовавшей въ 1794 году) усвоено было названіе «Украинскаго философа», при чемъ любопытно, что употребляется этотъ терминъ первоначально не въ его нынѣшнемъ широкомъ смыслѣ, объемлющемъ всю территорію, населенную малорусскимъ народомъ, а, какъ думается мнѣ, въ болѣе узкомъ—для обозначенія той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и училъ—Слободской украйны. По крайней мѣрѣ самъ Г. С. Сковорода, родившійся въ лѣвобережной Малороссіи, называлъ послѣднюю своею матерью, а Украину (Слободскую) своею теткой. —«Украину, говоритъ біографъ его М. И. Ковалинскій, предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды... Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украину теткою, по жительству его въ оной и по любви къ ней». При жизни Г. С. Сковороды, термины—Малороссія и Украина—были еще ходячими, обычными и ихъ употребляетъ М. И. Ковалинскій, отличая территоріально одну отъ другой. «И добрая, и худая слава, говоритъ онъ, распространилась о немъ (Г. С. Сковородѣ) во всей Украйнѣ, Малороссіи и далѣе». Вас. Наз. Каразинъ смотрѣлъ на Г. С. Сковороду, какъ на украинскаго философа и выразилъ это въ извѣстномъ своемъ афоризмѣ:

«съ сего (1810 г.—когда стали появляться въ журналахъ біографическія данныя объ этомъ мудрецѣ) только начали догадываться, что мы подъ чубомъ и въ *украинской* свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница». И теперь Малороссія или иначе Украйна въ широкомъ смыслѣ этого слова имѣетъ въ лицѣ Г. С. Сковороды своего единственнаго философа и по праву гордится этимъ своимъ мудрецомъ, вышедшимъ изъ среды народа и ему посвятившимъ свою жизнь. Но по мѣрѣ того какъ дѣлались извѣстны сочиненія Г. С. Сковороды среди всего русскаго образованнаго общества, получало признаніе значеніе его и въ этомъ послѣднемъ—онъ пріобрѣталъ и общерусскую извѣстность. Архимандритъ Гавріилъ въ своей исторіи философіи въ Россіи посвящаетъ ему 18 страницъ, какъ оригинальному представителю русской философской мысли. А въ наши дни уже настоящій спеціалистъ въ области философіи г. Эрнъ посвятилъ ему цѣлую книжку, гдѣ признаетъ его первымъ *русскимъ* выдающимся самостоятельнымъ философомъ. Такъ поднялась и выросла оцѣнка Г. С. Сковороды, благодаря знакомству спеціалистовъ съ его трудами и своеобразною личностью. Теперь мы обратимся къ рѣшенію поставленнаго вопроса объ изданіяхъ сочиненій Г. С. Сковороды и о вліяніи, оказанномъ ими на уясненіе его философскаго ученія и личности.

II.

Вопросъ объ изданіяхъ сочиненій Г. С. Сковороды играетъ особенно важную роль потому, что самъ онъ при жизни ничего не печаталъ изъ нихъ. Причину этого явленія я выяснилъ въ своей критико-библіографической статьѣ, посвященной обзору изданій сочиненій Сковороды и изслѣдованій о немъ (предисловіе къ харьковскому изданію его сочиненій). Здѣсь же только замѣчу, что у самого Г. С. Сковороды существовала потребность въ распространеніи его ученія въ народѣ и обществѣ, но осуществлялъ ее онъ, въ силу условій своей жизни и характера трудовъ, посредствомъ устной проповѣди и рукописныхъ списковъ своихъ сочиненій. Такимъ образомъ, *все* литературное наслѣдіе Г. С. Сковороды носитъ посмертный характеръ. У него самого не было даже полнаго со-

бранія его рукописныхъ трудовъ, ибо онъ посылалъ своимъ друзьямъ, по ихъ просьбѣ и собственному желанію, не апографы, т. е. списки, а автографы, которые не всегда возвращались въ его руки. Затѣмъ нѣкоторыя сочиненія онъ передѣлывалъ, сокращалъ, дополнялъ, давалъ имъ новыя заглавія; являлась разница въ редакціяхъ, при перепискѣ кое-что измѣнялось, искажалось, въ виду популярности его приписывалось и кое-что ему несомнѣнно непринадлежащее и однако оно ходило по рукамъ наравнѣ съ его безспорными сочиненіями. Правда, самъ Г. С. Сковорода оставилъ и прислалъ своему ученику и другу списокъ своихъ сочиненій—оригинальныхъ и переводныхъ; первыхъ въ этомъ спискѣ значится 17, вторыхъ 7; но въ немъ пропущены по забывчивости нѣкоторые труды, написанные Гр. Сав. (напр. Благодарный Еродій) и нѣтъ указаній на его чисто литературныя произведенія. Чрезвычайно характерно свидѣтельство Г. С. Сковороды объ отношеніи его самого къ рукописямъ своихъ сочиненій, не только спискамъ, но и автографамъ: «у друга нашего Бабайскаго (сел. Бабаи подлѣ Харькова), писалъ онъ М. И. Ковалинскому, іерея І. Правицкаго всѣ мои творенія хранятся. *По мнѣ-бы они давно пропали*... Я удивился, увидѣвъ у него моего Наркиса и симфонію «аще не увѣси». «Я ее ожелчившися спалилъ (сжегъ) въ Острогорскѣ (у. гор. Воронежской губ.), а о Наркисѣ навѣки было забылъ. Просите у него (значитъ у Гр. Сав. его не было!). А я не точію апографы, но и автографы роздалъ, раздарилъ, расточилъ». Одинъ переводной трактатъ Г. С. Сковороды (о вожделѣніи богатства) погибъ, будучи завезенъ въ Крымъ безъ списка, какъ въ этомъ сознается самъ Г. С. Сковорода. Съ другой стороны необходимо впрочемъ отмѣтить, что Г. С. Сковорода самъ переписывалъ свои сочиненія и отправлялъ ихъ съ посвященіями своимъ друзьямъ. Безпокоился онъ и о томъ, чтобы рукописи не пропадали, особенно при передачѣ черезъ невѣрныя руки или во время осенней и зимней распутицы. Одну рукопись (Потопъ Зміинъ) у него самого похитили и онъ только потомъ случайно нашелъ ея списокъ, «исправилъ, умножилъ и кончилъ»—это сообщаетъ самъ Г. С. Сковорода въ письмѣ къ М. И. Ковалинскому. Изъ всего сказаннаго (болѣе подробно на этихъ вопросахъ я останавливался въ своемъ критико-библіографическомъ очеркѣ о Г. С. Сковородѣ) съ очевидностью

уясняются тѣ затрудненія, которыя должны были быть связаны съ изданіемъ сочиненій Г. С. Сковороды: онъ самъ, благодаря условіямъ своей личной жизни, не только не могъ печатать ихъ, но не могъ и собрать, или хотя бы составить полный исчерпывающій ихъ перечень, съ указаніемъ редакцій и варіантовъ: все это выпало на долю слѣдующихъ поколѣній, продолжалось въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ его смерти, продолжается и въ настоящее время, по истеченіи столѣтней годовщины со дня его смерти.

III.

И неужели въ самомъ дѣлѣ не трагическая судьба сочиненій мыслителя и философа, когда прошло болѣе ста лѣтъ, прежде чѣмъ они (и при томъ еще не всѣ) были напечатаны? Трагизмъ заключается въ томъ, что, во 1-хъ, авторъ, желалъ распространенія ихъ въ обществѣ (хотя и въ ограниченномъ кругѣ въ общемъ сочувствовавшихъ его ученію), и не имѣлъ утѣшенія видѣть ихъ въ печати, а, во 2-хъ, еще и въ томъ, что они предназначались совсѣмъ не для того поколѣнія, которое знакомится съ ними нынѣ, а для того, которое жило во 2-й половинѣ XVIII в. Впрочемъ есть писатели и мыслители, идеи которыхъ и не могутъ быть восприняты въ массѣ современниками, потому что они не по плечу имъ—проповѣдь такихъ лицъ уважаютъ ихъ современники, но не воспринимаютъ ее для руководства въ своей жизни. Таковъ былъ и Г. С. Сковорода, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ, который жилъ такъ, какъ училъ, а училъ такъ, какъ жилъ, который имѣлъ больше почитателей, чѣмъ послѣдователей, который дѣйствовалъ облагораживающимъ образомъ на окружающихъ, по преимущественно своею яркою личностью и устною проповѣдью. Люди, преклонявшіеся передъ его ученостью и оригинальностью его воззрѣній, собирали въ рукописяхъ и его сочиненія, бережно хранили ихъ, переписывали, посылали близкимъ друзьямъ, читали даже ихъ, удивлялись имъ, но едва-ли раздѣляли всѣ проводимыя въ нихъ взгляды; еще труднѣе было осуществлять вытекавшія изъ нихъ требованія полностію въ собственной жизни. Но все же уваженіе къ героической въ нравственномъ отношеніи личности Г. С. Сковороды прочно

держалось въ видѣ живой традиціи въ украинскомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ такъ популяренъ, а оттуда проникло и въ мѣстную ученолитературную среду. Интересъ къ личности Г. С. Сковороды и его рукописнымъ трудамъ главнымъ образомъ сосредоточился въ центральномъ городѣ бывшей Слободской украйны—Харьковѣ, который выдвинулся въ 20—30 и 40 гг. именно въ качествѣ умственнаго и литературнаго центра всего южнорусскаго края. Но первые печатные труды Г. С. Сковороды—Наркисъ, Начальная дверь ко христіанскому добронравію, Убогій жаворонокъ, Разговоръ о душевномъ мирѣ, Бесѣда двое, Брань архистратига Михаила съ сатаною и харьковскія басни—увидѣли свѣтъ внѣ Харькова: первый трактатъ былъ напечатанъ въ 1798 г. безъ упоминанія имени автора въ Петербургѣ, второй появился въ массонскомъ журналѣ «Сіонскій Вѣстникъ» (1806 г.), остальные вышли отдѣльными книжечками въ Москвѣ въ изданіи Комитета Имп. Человѣколюбиваго Общества въ 1837—1839 г. Такимъ образомъ, въ Харьковѣ сосредоточилось изученіе жизни Г. С. Сковороды и его твореній въ рукописяхъ; изданія же ихъ въ свѣтъ харьковскіе біографы не брали на себя. И причина этого заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, что, во 1-хъ, ихъ интересовала жизнь Г. С. Сковороды болѣе, чѣмъ его творенія, а во 2-хъ, тутъ дѣйствовали и соображенія цензурнаго свойства (московское изданіе подверглось урѣзкамъ духовной цензуры). Изученіе Г. С. Сковороды въ Харьковѣ началось ранѣе московскаго изданія и относится къ второму десятилѣтію XIX вѣка—это статьи Гесъ-де-Кальве и Вернета, основанныя на *личныхъ воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ* и помѣщенныя въ извѣстномъ тогдашнемъ харьковскомъ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ» (1817 г.). Къ 1833 г. относится статья о Г. С. Изм. Ив. Срезневскаго (отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи, украинскомъ философѣ), основанная также въ значительной степени на воспоминаніяхъ и преданіяхъ стариковъ и старушекъ, но заключающая и оцѣнку его сочиненій, которыя сдѣлались извѣстны автору въ рукописяхъ. Харьковскому же автору Хиждеу принадлежитъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательная статья о Г. С. Сковородѣ (Григорій Варсава Сковорода. Историко-критическій очеркъ), но только напечатана она была въ журн. Телескопъ (1835 г.); въ ней дается общее понятіе о Сковородѣ,

объясненное изъ собственнаго его сознанія, т. е. дается характеристика и оцѣнка философіи Сковороды на основаніи его сочиненій (въ рукописяхъ). Въ своемъ предисловіи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды я подробно уже останавливался на разборѣ этихъ трудовъ, равнымъ образомъ, какъ на статьѣ Снегирева и оцѣнкѣ Сковороды, какъ философа, въ книгѣ арх. Гавріила, представляющей негласное заимствованіе изъ Хиждеу, и потому здѣсь повторять своихъ выводовъ не буду—а ограничусь простымъ констатированіемъ факта, что изданіе въ Москвѣ въ свѣтъ нѣсколькихъ трактатовъ Г. С. Сковороды *не отразилось* на возникшемъ независимо отъ него въ Харьковѣ изученіи его личности и рукописныхъ трудовъ, ибо это послѣднее проявилось ранѣе. Если отразилось, то слабо изданіе ихъ и на трудахъ о Г. С. Сковородѣ, относящихся къ пятидесятымъ годамъ.

Въ 1861 году появилось въ Петербургѣ *изданіе* книгопродавца Лисенкова «Сочиненій Г. С. Сковороды въ стихахъ и прозѣ» 312 стр.; это и было первое собраніе его сочиненій. Въ немъ напечатано было 6 трактатовъ и стихотворный «Садъ божественныхъ пѣсней», но совершенно новымъ, до тѣхъ поръ неизданнымъ является только одинъ трактатъ «Пря бѣсу съ Варсавой». Все же это изданіе познакомило и общество, и ученыхъ съ философскими сочиненіями Г. С. Сковороды. Рукописи, положенныя въ основу этого изданія (къ сожалѣнію, однако не всѣ) были пожертвованы издателемъ въ рукописное отдѣленіе Библіотеки Харьковскаго Университета и описаны мною; одна изъ нихъ автографъ, остальные списки, но древніе, хорошіе. Изданіе Лисенкова разобрано мною въ предисловіи къ собранію сочиненій Г. С. Сковороды. Оно, въ противоположность московскому, не прошло незамѣченнымъ: вызвало рядъ рецензій, и имъ пользовались всѣ, писавшіе о Г. С. Сковородѣ до выхода въ свѣтъ Харьковскаго изданія подъ моею редакціей. Оно же послужило, вѣроятно, толчкомъ для появленія солидной монографіи о Г. С. Сковородѣ Г. Петр. Данилевскаго (сперва въ «Основѣ» въ 1862 г., а потомъ въ «Украинской Старинѣ» X, 1866 г.»). Въ ней подробно изложена была біографія Г. С. Сковороды, для чего авторъ впервые такъ широко, какъ никто изъ его предшественниковъ, использовалъ житіе Сковороды, составленное М. И. Ковалинскимъ (въ рукописи); впервые

Г. П. Данилевскій далъ также библіографическій перечень сочиненій Г. С. Сковороды и печатныхъ статей о немъ. Послѣ этого наступило затишье въ изученіи Г. С. Сковороды; во время его только проф. Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ въ «Кіев. Стар.» біографію Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго (въ 1886 г.).

IV.

Между тѣмъ въ 1894 г. наступало столѣтіе со дня смерти Г. С. Сковороды—и приближеніе его послужило внѣшнимъ поводомъ для меня къ розыску и изданію въ свѣтъ возможно полнаго собранія его сочиненій. Одновременно съ этимъ появился цѣлый рядъ серьезныхъ изслѣдованій объ ученіи Г. С. Сковороды, основанныхъ на изученіи его сочиненій, остававшихся дотолѣ безъ учено-философскаго разсмотрѣнія. Только теперь въ сущности былъ открытъ Г. С. Сковорода, какъ представитель и родоначальникъ русской философской мысли. И изданіе сочиненій, и изученіе ихъ сосредоточились въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ обществѣ. Болѣе чѣмъ за годъ до юбилея я вошелъ въ Общество съ предложеніемъ объ изданіи трудовъ Г. С. Сковороды, и это предложеніе было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ. Я взялъ на себя трудъ поисковъ рукописей и редакціи изданія, но содѣйствіе въ этомъ послѣднемъ мнѣ оказывали и другіе члены Общества. Прежде всего я занялся систематическими розысками рукописей Г. С. Сковороды. Большая часть и при томъ самыхъ цѣнныхъ, въ его автографахъ, оказалась въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ. Хотя о нахожденіи ихъ тамъ и было извѣстно въ печати, но, вѣроятно, въ силу спеціальнаго характера того изданія, гдѣ это свѣдѣніе было помѣщено (Отчеты Рум. Муз.) или по другимъ какимъ-либо причинамъ, на него, сколько мнѣ извѣстно, никто до этого времени не обратилъ вниманія. Документы, относящіеся къ Г. С. Сковородѣ, были пріобрѣтены Румянцовскимъ музеемъ отъ внучки его біографа М. И. Ковалинскаго и состоятъ изъ 7 книгъ, переплетенныхъ въ прочный красивый переплетъ и заключающихъ (первыя 4) 12 автографовъ его сочиненій, (двѣ другія)—2 списка его біографіи, составленной М. И. Ковалинскимъ (№№ 1489 и 1490)

(одна изъ нихъ автографъ) и послѣдняя (7-я)—большое собраніе собственноручныхъ писемъ Гр. Сав. С. къ М. И. Ковалинскому и къ другимъ лицамъ и нѣкоторыхъ отрывковъ его сочиненій. Эта одна находка въ сущности уже обезпечивала научный характеръ предпринятаго мной изданія, ибо по богатству своему она превзошла самыя смѣлыя мои ожиданія. Въ томъ же рукописномъ Отдѣленіи Румянц. музея отыскались еще нѣкоторыя рукописи сочиненій Г. Сав. Сковороды, подробно указанныя мною во 2-й главѣ моего предисловія къ харьковскому изданію, посвященной библіографіи его трудовъ. Не ограничившись однако этою счастливою находкою, я сдѣлалъ розыски (частію раньше этого) и въ другихъ мѣстахъ и тамъ нашелъ также довольно много рукописныхъ сочиненій Г. С. Сковороды: въ Харьковѣ—въ рукописномъ отдѣленіи университетской библіотеки и въ библіотекѣ Историко-Филологическаго Общества; въ первой оказались тѣ рукописи, которыми воспользовался для своего изданія сочиненій Г. С. Сковороды петербургскій книгопродавецъ Лисенковъ. Въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ мною открыты были біографическіе документы о Г. С. Сковородѣ. Увѣнчались успѣхомъ и принятые мною мѣры къ отысканію рукописей Г. С. Сковороды, нѣкогда собранныхъ арх. Филаретомъ—оказалось, что они хранились въ Церковно-Археологическомъ Музеѣ Кіевской Духовной Академіи. Чтобы судить о важности этой коллекціи, достаточно замѣтить, что въ ней было 13 сочиненій Г. С. Сковороды, въ томъ числѣ 9 неизданныхъ, изъ коихъ 4-хъ не было найдено и среди автографовъ, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ, и потому ихъ списки должны, по необходимости, играть роль оригиналовъ. Хотя все это списки, но, какъ видно изъ произведеннаго мною сличенія ихъ съ оригиналами, весьма исправные. Произведены были мною поиски и сдѣланы находки рукописей Г. С. Сковороды и въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки, и въ Собраніи гр. А. С. Уварова. Прислали мнѣ рукописи и частныя лица. Я самъ впрочемъ не считалъ еще свои поиски исчерпанными.

Въ изданіе вошло однако далеко не все собранное, какъ по обилію матеріала, такъ и по краткости времени, бывшаго въ моемъ распоряженіи, такъ, наконецъ, прибавлю, и по недостатку денежныхъ средствъ. Послѣднее обстоятельство не дало возможности устроить командировокъ

на мѣста храненія рукописей и даже сдѣлать копіи изъ всѣхъ рукописей, что облегчило бы на мѣстѣ работу надъ ними; дѣло дошло до того, что я, въ качествѣ редактора изданія, не получилъ обычнаго числа оттисковъ, всегда выдаваемыхъ Обществомъ въ такихъ случаяхъ, и ограничился единственнымъ экземпляромъ, мнѣ предоставленнымъ. Книга была напечатана по тѣмъ же причинамъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (600). Изданіе составило 7-й томъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества и дѣлится на 2 отдѣленія и приложенія: въ 1-е вошли моя критико-библіографическая статья (2 главы на 131 страницѣ), біографія Г. С. Сковороды, составленная его ученикомъ и другомъ М. И. Ковалинскимъ, и письма Г. С. Сковороды; во 2-е—16 его сочиненій (философско-богословскихъ и литературныхъ); въ приложеніи помѣщены отрывки изъ 2 сочиненій, ему приписываемыхъ, но, по моему мнѣнію, ему не принадлежащихъ, и указатель къ латинскимъ письмамъ Г. С. Сковороды съ краткимъ резюме ихъ содержанія, составленный проф. И. В. Нетушиломъ. Біографія Г. С. Сковороды, составленная М. И. Ковалинскимъ, напечатана по автографу Румянцовскаго музея, какъ это видно изъ слѣдующихъ строкъ моего критико-библіографическаго обзора (стр. CXV). Указавъ, что ранѣе проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ она было напечатано по списку, я прибавляю: «такимъ образомъ, мы имѣемъ возможность впервые теперь напечатать біографію Сковороды *по подлинной рукописи* Ковалинскаго, которая во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ текста, изданнаго проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ». Большинство писемъ напечатано по автографамъ ихъ, сохранившимся въ Румянцовскомъ музеѣ. До появленія въ свѣтъ изданія Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества было извѣстно въ печати всего 19 писемъ Г. С. Сковороды, между тѣмъ въ моей книгѣ напечатано ихъ 98, въ томъ числѣ вся драгоцѣнная его переписка съ М. И. Ковалинскимъ по автографамъ. Изъ 16 его сочиненій, напечатанныхъ во 2-мъ отдѣленіи, *впервые* явилось въ свѣтъ 9 (№№ 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13, 15 и 16). Всѣ сочиненія, за исключеніемъ № 12-го, рукописи котораго не удалось найти, напечатаны съ рукописей, изъ коихъ 12 представляли автографы и только 3 (№№ 4, 5 и 6) списки (Церковно Археологическаго Общества Кіевской Духовной Академіи и Румянцовскаго музея). Редактированное

мною изданіе сопровождалось портретомъ Г. С. Сковороды, видомъ его могилы и снимками съ его почерка и печати. Ветхая деревянная ограда на могилѣ, изображенная на снимкѣ, замѣнена была желѣзной на средства Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Въ изданіе не вошло нѣсколько трактатовъ Г. С. Сковороды, но съ нихъ были сдѣланы списки, составляющіе собственность Историко-Филологическаго Общества. Кромѣ того содержаніе этихъ неизданныхъ трактатовъ подробно было изложено въ моей критико-библіографической статьѣ.

Я остановился такъ долго на изданіи подъ моей редакціей Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ трудовъ Г. С. Сковороды по тремъ соображеніямъ: во 1-хъ, потому, что это входитъ въ мою задачу, во 2-хъ, чтобы объяснить то исключительное вліяніе, которое оно оказало на научное изученіе Г. С. Сковороды и его твореній, а въ 3-хъ, чтобы дать объективныя данныя для сравнительной оцѣнки его параллельно съ новымъ изданіемъ г. Бончъ Бруевича, который, будучи очень многимъ обязанъ изданію Харьковскаго Истор.-Филолог. Общества, позволилъ себѣ дать ему рѣзкую и несправедливую квалификацію. Прибавлю къ этому, что мною былъ приготовленъ къ печати и 2-й томъ сочиненій Г. С. Сковороды, куда должны были войти неизданные его оригинальные трактаты, переводные труды и письма и составленное къ нему мое предисловіе. Такимъ образомъ, 1-й томъ вмѣстѣ со 2-мъ заключали бы полное собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Мною сдѣлано было нѣсколько попытокъ осуществить изданіе этого 2-го тома: я просилъ объ изданіи этого 2-го тома Общество Любителей Древнерусской Письменности, но оно отказалось по цензурнымъ соображеніямъ, хотя сочиненія Г. С. Сковороды теперь имѣютъ только историко-литературный интересъ; затѣмъ я ихъ хотѣлъ издать въ Трудахъ XIII-го (Екатеринославскаго) Археологическаго съѣзда, на которомъ прочитано было мною въ видѣ реферата введеніе къ этому изданію—но и это не осуществилось; наконецъ, я передалъ собранныя мною рукописи акад. А. А. Шахматову для изданія въ Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ, но и здѣсь онѣ пролежали нѣсколько лѣтъ, пока не нашелся частный издатель г. Бончъ-Бруевичъ, которому А. А. Шахматовъ передалъ, съ согласія моего и Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, всѣ собранные мною матеріалы

для изданія. Г. Бончъ-Бруевичъ получилъ для своего изданія богатое наслѣдство отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, при моемъ посредствѣ, въ видѣ отпечатаннаго 1-го тома сочиненій Г. С. Сковороды, библіографическихъ указаній о рукописяхъ въ моемъ предисловіи къ нему и, наконецъ, рукописей, собранныхъ мною для 2-го тома.

V.

Столѣтній юбилей Г. С. Сковороды и вызванное имъ изданіе его сочиненій пробудили большой интересъ къ изученію духовнаго наслѣдія Г. С. Сковороды и его личности и центромъ этого изученія оказался, какъ того слѣдовало и ожидать, г. Харьковъ. Членъ Харьковскаго Историко-Фил. Общества Александра Яковлевна Ефименко (нынѣ докторъ русской исторіи и профессоръ Высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ), проживавшая тогда въ Харьковѣ, прочла въ 1893 г. о немъ публичную лекцію, которую потомъ напечатала въ журн. «Недѣля» подъ заглавіемъ «*Философъ изъ народа*». Статья эта, несмотря на популярное изложеніе, должна занять видное мѣсто въ литературѣ о Г. С. Сковородѣ, между прочимъ въ дѣлѣ освѣщенія той исторической эпохи, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Г. С. Сковорода. Я подвергъ критическому разсмотрѣнію эту статью и разошелся съ А. Я. Ефименко какъ въ оцѣнкѣ объ исторической эпохи, въ которую онъ жилъ, такъ и въ оцѣнкѣ его философскихъ взглядовъ, въ которыхъ руководящее значеніе имѣлъ, по ея мнѣнію, раціонализмъ на пантеистической основѣ, а по моему христіанская философія. Въ основу ея статьи кромѣ Петербургскаго изданія сочиненій легло знакомство съ рукописью «Израильскаго змія», принадлежащею Харьковскому Историко-Филологическому Обществу. Говоритъ А. Я. Ефименко и о значеніи Г. С. Сковороды. Затѣмъ спеціально о философіи Г. С. Сковороды напечаталъ обширную монографію спеціалистъ, профессоръ по исторіи философіи въ Харьковскомъ университетѣ, членъ Харьк. Историко-филол. Общества, нынѣ покойный Ѳ. А. Зеленогорскій — «Философія Г. С. Сковороды, Украинскаго философа XVIII столѣтія» (въ «Вопросахъ философіи и психологіи» 1894 г.). Раньше онъ доложилъ этотъ рефератъ въ засѣданіи Харьк. Историко-Фил. Общества.

Это выдающаяся монографія. Никто изъ его предшественниковъ не давалъ такой широкой исторической постановки вопроса о характерѣ философіи Сковороды и о вліяніяхъ на философское міровоззрѣніе Г. С. Сковороды древнегреческихъ философовъ. Ѳ. А. Зеленогорскій въ своихъ заключеніяхъ опирался на совокупность всѣхъ сочиненій Г. С. Сковороды, собранныхъ мною для Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя не вошли въ его изданіе, а напечатаны только теперь въ изданіи г. Бончъ-Бруевича, и это придавало имъ твердость и устойчивость. Онъ изслѣдовалъ и умозрительную, и практическую, и этическую его философію. Въ сторонѣ осталась однако жизнь украинскаго философа и его теологія. Пробѣлъ чрезвычайно важнаго богословскаго элемента въ трактатахъ Г. С. Сковороды восполнилъ членъ Харьк. Ист.-Фил. Общ., проф. Харьковскаго Университета, нынѣ покойный А. С. Лебедевъ въ своей статьѣ «Г. С. Сковорода, какъ богословъ (въ Сборн. Харьк. Ист.-Фил. Общ.)—это рѣчь его на юбилейномъ чествованіи. Въ ней обстоятельно разработанъ вопросъ о вліяніи на ученіе Г. С. Сковороды восточныхъ отцовъ церкви, о чемъ свидѣтельствовалъ и и біографъ Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскій. По словамъ А. С. Лебедева, Г. С. Сковорода былъ болѣе богословъ, чѣмъ философъ, правда, типа для своего (да и для настоящаго времени) необычнаго, но ведущаго свое начало отъ древнихъ и славныхъ восточныхъ учителей церковныхъ. Восточные отцы церкви, въ противоположность западнымъ, понимали священное писаніе не буквально, а аллегорически, отводя видное мѣсто разуму и древней языческой философіи. Представителями этого направленія были—Іустинъ философъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Василій Великій, Максимъ Исповѣдникъ. Въ ихъ твореніяхъ и заключается, по мнѣнію А. С. Лебедева, источникъ богословствованія Г. С. Сковороды; здѣсь полное объясненіе его богословскаго метода, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и самихъ воззрѣній. Значитъ, Г. С. Сковорода былъ смѣлымъ, но не «отреченнымъ» религіознымъ мыслителемъ. На томъ же юбилейномъ чествованіи памяти Г. С. Сковороды, устроенномъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, былъ прочитанъ мною рефератъ, подъ заглавіемъ «Гр. Сав. Сковорода. Его ученіе, жизнь и значеніе», напечатанный потомъ въ Сборникѣ Харьк.

Ист.-Фил. Общества. Въ немъ я представилъ сущность философіи Г. С. Сковороды, состоящую въ томъ, что его философія была его религіей, а религія философіей, при чемъ эта послѣдняя можетъ быть скорѣе всего названа христіанской философіей. Г. С. Сковорода проводилъ идею о двухъ началахъ въ мірѣ—вѣчномъ и тлѣнномъ и о превосходствѣ перваго надъ вторымъ. Этими двумя началами проникнуты всѣ три міра—большой или космосъ, состоящій въ свою очередь изъ множества другихъ, малый или микрокосмъ (т. е. человѣкъ) и символическій (т. е. Библія). Но являясь въ этомъ отношеніи какъ бы дуалистомъ, въ дѣйствительности творческимъ началомъ Г. С. Сковорода признавалъ только одно начало—духъ. Такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ въ ученіи Сковороды былъ все таки *монизмъ*—началомъ всего была единая вѣчная субстанція. Эта статья получила дальнѣйшее развитіе и обоснованіе въ моемъ новомъ изслѣдованіи о Г. С. Сковородѣ, напечатанномъ въ 3-хъ книжкахъ журнала «Кіевская Старина» за 1895 г. подъ заглавіемъ «Украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода». Она является продолженіемъ того изслѣдованія о Г. С. Сковородѣ, которое было помѣщено мною въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ подъ моею редакціей Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ. Она также содержитъ въ себѣ двѣ главы—1) ученіе и жизнь и 2) значеніе (вторая глава осталась незаконченной). Во 2-й главѣ я устанавливаю взглядъ на Г. С. Сковороду какъ на религіознаго реформатора, стремившагося къ распространенію своего ученія. Выводы свои я считаю непоколебленными послѣдующими работами. А. Я. Ефименко выступила съ рѣчью о Г. С. Сковородѣ на особомъ собраніи, устроенномъ Московскимъ Психологическимъ Обществомъ по случаю 100-лѣтія со дня кончины Г. С. Сковороды. Рѣчь эта была потомъ напечатана въ органѣ Общества—«Вопросахъ философіи и психологіи» 1894 г. подъ заглавіемъ «Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя». А. Я. Ефименко пришла къ выводу, что Г. С. Сковорода имѣлъ чрезвычайно цѣльное и законченное міровоззрѣніе—это монолитъ безъ трещинъ—и что философію свою онъ отожествлялъ съ религіей, въ буквальномъ и точномъ смыслѣ этого слова, настоящей религіей, отмѣченной печатью личнаго творчества. Г. С. Сковорода, конечно, давно познакомился съ Библіей и былъ любителемъ этой

священной книги; но странная была, говоритъ А. Я. Ефименко, эта любовь: съ одной стороны онъ относился къ ней, какъ глубоко вѣрующій, искренне религіозный человѣкъ, съ другой стороны онъ отрицалъ ее или вѣрнѣе ея внѣшній смыслъ и стремился открыть внутренній, состоявшій въ самопознаніи, ведущемъ къ познанію Божества. Главной своей задачей Г. С. Сковорода поставилъ раскрытіе внутренней связи между Библіей и философіей: Библія скрывала подъ своими образами истину. Но въ Г. С. Сковородѣ, говоритъ А. Я. Ефименко, философъ органически слитъ съ ересіархомъ. Они образуютъ одну въ немъ духовную личность, поражающую своей суровой оригинальностью. Что касается вліяній на Сковороду другихъ мыслителей, то А. Я. Ефименко отодвигаетъ ихъ на задній планъ, говоря, что къ нему идетъ выраженіе — самъ себѣ предокъ.

Между мнѣніями А. С. Лебедева и А. Я. Ефименко значительная разница: первый, какъ мы видѣли, считаетъ Г. С. Сковороду смѣлымъ, но не отреченнымъ богословомъ, а вторая, наоборотъ, настоящимъ іересіархомъ (съ его ученіемъ она готова даже связать возникновеніе духоборческой ереси въ Слободской Украйнѣ, хотя и не приводитъ для этого достаточныхъ основаній). Первый придаетъ рѣшающее значеніе вліянію на него восточныхъ отцовъ церкви; вторая ничего не говоритъ о нихъ и склонна, какъ мы видѣли, вообще сильно ограничить это вліяніе.

Всѣ эти работы вызваны были юбилеемъ Г. С. Сковороды, устроеннымъ Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, которому, такимъ образомъ, принадлежитъ не только крупная заслуга въ изданіи его сочиненій, но и въ привлеченіи научно-общественнаго интереса къ его личности и сочиненіямъ. Масса лицъ откликнулась на призывъ Общества почтить память Г. С. Сковороды, и только благодаря этому удалось, при отсутствіи денежныхъ средствъ, осуществить и такія предпріятія, какъ поиски и воспроизведеніе его портрета, безвозмездно вырѣзаннаго на деревѣ извѣстнымъ профессоромъ гравировальнаго искусства въ Имп. Академіи Художествъ В. Матэ, исправленіе его могилы, въ чемъ принялъ живѣйшее участіе свящ. о. Ник. Лащенко. Такіе ученые, какъ М. С. Дриновъ, А. И. Кирпичниковъ, Н. Ѳ. Сумцовъ, И. В. Нетушилъ, Н. И. Петровъ, положили трудъ и оказали свое содѣйствіе дѣлу изданія;

Всев. Изм. Срезневскій открылъ для насъ архивъ своего знаменитаго отца Изм. Ив. Срезневскаго. И изъ среды сельскаго люда раздался голосъ (Ф. В. Кремины), призывавшій насъ, людей науки, къ реставраціи памятника на могилѣ Г. С. Сковороды. «Неудивительно, писалъ онъ извѣстному этнографу Петру С. Ефименку, бывшему тогда секретаремъ Харьковскаго Статистическаго Комитета, что за 90 лѣтъ со дня смерти Г. С. его могли забыть современные люди — обстоятельства, мѣстныя могли измѣниться: «не до памятниковъ или воспоминаній; но на комъ забота о своихъ работникахъ, какъ не на наукѣ, которой онъ въ свое время былъ преданъ»...

Изданное подъ моею редакціей собраніе сочиненій Г. С. Сковороды послужило основою и для дальнѣйшихъ работъ по изслѣдованію его сочиненій. Въ 1898 г. въ журн. «Кіевская Старина» появилась обширная статья о немъ Ѳ. Кудринскаго подъ заглавіемъ «Философъ безъ системы». Написана она бойко, со знаніемъ дѣла, но недостаточно спокойно. Многія отдѣльныя сужденія и наблюденія автора заслуживаютъ вниманія и могутъ быть приняты критикой, но основное заключеніе его объ отсутствіи системы у Г. С. Сковороды не правильное. Наиболѣе строгую и выдержанную систему философіи Г. С. Сковороды, говоритъ г. Кудринскій, даетъ проф. Д. И. Багалѣй. Но и она не примѣнима къ такому живому подвижному уму, какимъ былъ Сковорода. Однако, замѣчу я, предложенная мною система представляетъ не что иное, какъ мысли самого Г. С. Сковороды, не разъ повторявшіяся имъ въ различныхъ его трактатахъ. Что касается противорѣчій и несогласованностей, то ихъ, во 1-хъ, немного, а во 2-хъ, они объясняются, быть можетъ, эволюціей взглядовъ Г. С. Сковорода. Самъ онъ не сдѣлалъ попытки изложить систему своей философіи въ какомъ-нибудь отдѣльномъ трудѣ, и потому эта обязанность лежитъ на современныхъ изслѣдователяхъ. Но такое схематическое изложеніе будетъ, конечно, до извѣстной степени условно. Да и самъ г. Кудринскій не отказывается отъ систематизаціи въ изложеніи взглядовъ Г. С. Сковороды — опредѣляетъ и метафизику его, и этику, и богословское ученіе.

Дальнѣйшій шагъ въ изслѣдованіи религіозно-философскихъ воззрѣній Г. С. Сковороды представляетъ монографія г. М. Краснюка, по-

мѣщенная въ Харьковскомъ философско-богословскомъ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1901-й годъ. Она очень обстоятельна и заключаетъ въ себѣ 4 главы: въ 1-й изложены взгляды Г. С. Сковороды на источники познанія въ связи съ его умозрительной философіей, во 2-й раскрываются его религіозныя воззрѣнія и вліяніе на нихъ древнегреческой литературы и ученія отцовъ церкви, въ 3-й опредѣляется его этика, въ 4-й сдѣлана оцѣнка взглядовъ Г. С. Сковороды и опредѣлено ихъ мѣсто въ исторіи русской мысли. Выводы автора не расходятся въ существенныхъ пунктахъ съ моими заключеніями, но богословское ученіе Г. С. Сковороды оказывается, по мнѣнію автора, въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ ученіемъ церкви, чѣмъ это принято думать. Здѣсь авторъ расходится съ А. Я. Ефименко. Очень интересна и самостоятельна глава, посвященная выясненію вліянія отцовъ церкви, — въ ней авторъ продолжаетъ работу, начатую проф. А. С. Лебедевымъ. Въ 4-й гл. авторъ ограничиваетъ мой выводъ о широкомъ распространеніи идей Г. С. Сковороды въ современномъ ему обществѣ — и онъ правъ, когда говоритъ о препятствіяхъ, встрѣчавшихся ему на пути. Наконецъ, авторъ говоритъ о національномъ характерѣ философіи Г. С. Сковороды, основываясь главнымъ образомъ на характерныхъ въ этомъ смыслѣ выдержкахъ, сообщенныхъ въ свое время Хиждеу. Но я установилъ скептическое отношеніе къ нимъ въ предисловіи къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды, и такъ какъ оно никѣмъ не опровергнуто, то я и теперь стою на томъ, что ими трудно пользоваться какъ достовѣрнымъ источникомъ. Г. С. Сковороду можно считать первымъ національнымъ русскимъ философомъ въ томъ смыслѣ, что у него у перваго изъ русскихъ мыслителей мы встрѣчаемъ настоящую философскую систему.

Проф. И. В. Нетушилъ напечаталъ замѣтку о латинскомъ стилѣ Г. С. Сковороды. П. И. Житецкій высказалъ нѣсколько замѣчаній о языкѣ сочиненій Г. С. Сковороды (въ своемъ изслѣдованіи «Энеида И. П. Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея» — въ «Кіевск. Старинѣ» 1899, ноябрь). С. Р. затронула вопросъ о значеніи педагогическихъ идей Г. С. Сковороды. Извѣстный знатокъ южнорусской литературы, проф. Кіев. Дух. Ак. Н. Н. Петровъ напечаталъ чрезвычайно цѣнную, обильную новыми

матеріалами біографическую статью о Г. С. Сковородѣ—«Первый (малороссійскій) періодъ жизни и научно-философскаго развитія Г. С. Сковороды» (Труды Кіев. Дух. Акад. 1902, № 12). Этимъ онъ положилъ начало критической біографіи Г. С. Сковороды. Дополненіемъ этой статьи служитъ его же замѣтка «Къ біографіи укр. фил. Г. С. Сковороды» («Кіев. Стар.» 1903, апрѣль). Въ 1-мъ томѣ «Исторіи города Харькова за 250 лѣтъ его существованія», составленной мною при участіи Д. П. Миллера, мною написана и 13-я глава (о наукѣ въ Харьковѣ въ XVIII в.), спеціально посвященная Г. С. Сковородѣ. Въ ней сдѣланъ и краткій библіографическій обзоръ трудовъ о немъ, вышедшихъ послѣ изданія его сочиненій въ 1894 г. Въ содержаніе этой главы я не старался вносить чего-либо новаго по сравненію съ тѣмъ, что было высказано мною ранѣе. Но въ слѣдующей 14-й главѣ я ознакомилъ своихъ читателей съ литературными произведеніями Г. С. Сковороды, на которыхъ почти не останавливались другіе изслѣдователи, и привелъ одно стихотвореніе, на которомъ нѣтъ его имени, но которое очень напоминаетъ по складу своему его сочиненія. Еще разъ мнѣ пришлось вѣрнуться къ старчику Г. С. Сковородѣ по поводу смерти Л. Н. Толстого. Въ Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ я былъ тогда ректоромъ, устроено было торжественное ученое собраніе, въ которомъ я выступилъ съ рѣчью «Историческая параллель. Г. С. Сковорода и Л. Н. Толстой». Рѣчь эта была напечатана въ сборникѣ рефератовъ и вышла также и отдѣльнымъ оттискомъ. Въ ней я отмѣтилъ сходство въ воззрѣніяхъ обоихъ философовъ въ вопросѣ о «недѣланіи» и указалъ, что Л. Н. Толстой высоко цѣнилъ Г. С. Сковороду и какъ человѣка и какъ писателя и извлекъ для своего «Круга чтеній» одинъ изъ его афоризмовъ. Интересно, что не я одинъ подмѣтилъ это сродство ихъ воззрѣній. Изданныя подъ моею редакціей сочиненія Г. С. Сковороды стали извѣстны за границей одному англійскому спеціалисту по философіи, женатому на дочери русской писательницы г-жи Блаватской, г. Джонстону, и онъ увидѣлъ такую близость въ ученіи того и другого философа, что задумалъ было даже написать для англійскихъ и американскихъ читателей книгу подъ заглавіемъ—«Предтеча гр. Л. Н. Толстого Гр. Сав. Сковорода». Одно чрезвычайно интересное письмо Г. С. Сковороды извлечено мною изъ

рукописнаго сборника, бывшаго на выставкѣ въ память Н. И. Костомарова въ г. Воронежѣ.

VI.

Наконецъ, Г. С. Сковорода, благодаря Харьковскому изданію его сочиненій, дождался обоснованнаго признанія своей исключительно важной роли — родоначальника *русской* философіи — со стороны спеціалиста и историка русскаго философскаго движенія.

Въ 1912 году въ Москвѣ вышла книга В. Эрна «Русскіе мыслители. Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе», 342 страницы. Она представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся явленіе въ литературѣ о Г. С. Сковородѣ, и потому на ней нужно остановиться нѣсколько подробнѣе. Г. Эрнъ находитъ необходимымъ сдѣлать прошлое русской философской мысли предметомъ тщательнаго и безпристрастнаго историческаго изслѣдованія. Сковорода въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ. Его философія складывается въ стройное цѣлое тогда, когда германская мысль, отъ которой многіе ведутъ родословіе русской мысли, только зарождается (Кантъ). Свою книгу г. Эрнъ дѣлитъ на двѣ части: одна уясняетъ жизнь Сковороды въ связи съ внутреннимъ ходомъ его самоопредѣленія, другая — его міровоззрѣніе. Но жизнь его тѣснѣйшимъ образомъ связана съ философіей: первая не можетъ быть правильно понята безъ второй и наоборотъ. Главнымъ матеріаломъ и для 1-й, и для 2-й части книги г. Эрна послужили изданные подъ моею редакціей Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ сочиненія Г. С. Сковороды, біографическіе матеріалы и мое введеніе. Указавъ на это изданіе, г. Эрнъ замѣчаетъ: «это прекрасное изданіе, снабженное обстоятельной критикобибліографической статьей распадается на двѣ части. Въ первой помѣщены «Житіе» Ковалинскаго и «Письма» Сковороды (чрезвычайно важный матеріалъ); во-второй — большинство изъ сохранившихся сочиненій Сковороды. На это изданіе мы будемъ дѣлать постоянные ссылки...» (стр. 35). И дѣйствительно авторъ широко использовалъ мое изданіе, дополнивъ его гдѣ было нужно и другими источниками и пособіями изъ литературы о Г. С. Сковородѣ. И я, какъ редакторъ этого изданія, чув-

ствую большое нравственное удовлетвореніе по поводу того, что оно, несмотря на свою неполноту, дало возможность г. Эрну такъ широко и всесторонне поставить вопросъ о жизни и міросозерцаніи Г. С. Сковороды. Интересно отношеніе г. Эрна къ основному источнику нашихъ свѣдѣній о жизни (и при томъ не только внѣшней, но—что еще важнѣе—и внутренней) Г. С. Сковороды—біографіи, составленной М. И. Ковалинскимъ. «Разсказъ Ковалинскаго, говоритъ онъ, простъ, мягокъ, задушевенъ и фактически безусловно достовѣренъ. Но онъ недостаточно полонъ. Безусловно онъ нуждается въ разработкѣ. Ограничиваться однимъ разсказомъ Каваленскаго и считать все сообщаемое другими лицами и не встрѣчающееся въ разсказахъ Ковалинскаго за недостовѣрное или сомнительное (какъ это склоненъ дѣлать проф. Багалѣй) нѣтъ никакихъ основаній... Не отвергая ни единой черточки въ жизнеописаніи Ковалинскаго, мы должны образъ и психику Сковороды углубить и разработать по весьма характернымъ даннымъ, встрѣчающимся въ сочиненіяхъ самого Сковороды». Здѣсь маленькое недоразумѣніе. Я совершенно согласенъ съ г. Эрномъ въ необходимости углублять и дополнять сообщенія Ковалинскаго по сочиненіямъ Сковороды и особенно по его письмамъ. Скажу болѣе того: г. Эрнъ едва ли не первый [1]) использовалъ драгоцѣнный въ этомъ отношеніи матеріалъ (письма Г. С. Сковороды) и далъ намъ на основаніи совокупности данныхъ внутреннюю исторію его жизни. Но я считаю себя обязаннымъ критически относиться къ подчасъ темнымъ и сбивчивымъ извѣстіямъ, не подтверждаемымъ другими свидѣтельствами, и устранять сомнительные тексты. И самъ г. Эрнъ вѣдь отвергаетъ свидѣтельство арх. Гавріила объ усвоеніи Г. С. Сковородой германской философіи, ибо объ этомъ не говорится ни въ одномъ изъ первоисточниковъ (стр. 63), но вопреки моему рѣзкому отзыву считаетъ страницы, посвященныя арх. Гавріиломъ Сковородѣ, прекрасными, *совершенно* не теряющими своего значенія отъ того, что арх. Гавріилъ опирается въ своемъ изложеніи главнымъ образомъ на Хиждеу. Особенно же высоко

---

1) Выражаюсь такъ осторожно, потому что у меня смутно вырисовывается воспоминаніе о появленіи въ послѣднее время статьи о Сковородѣ, которая останавливается главнымъ образомъ на его письмахъ.

онъ цѣнитъ самый замыселъ арх. Гавріила. Я также высоко ставлю замыселъ арх. Гавріила и все же долженъ, къ сожалѣнію, заявить, что мое наблюденіе о томъ, что «вся оцѣнка философской дѣятельности Сковороды (стр. 59—70) представляетъ негласное и при томъ буквальное заимствованіе изъ Хиждеу», остается въ силѣ (Изд. Харьк. Ист.-Филол. Общества, стр. XXVII). Что же касается самого Хиждеу, на которомъ основывался арх. Гавріилъ, то и въ отношеніи его остаются неопровергнутыми высказанныя мною сомнѣнія въ достовѣрности приведенныхъ отрывковъ изъ сочиненій, приписываемыхъ имъ Сковородѣ, но до насъ не дошедшихъ. (Изд. Харьк. Ист.-Фил. Общ., стр. XXIII—XXIV). Пользуясь главнымъ образомъ изданіемъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, г. Эрнъ сверхъ того привлекъ для изученія и три изъ не напечатанныхъ рукописей Г. С. Сковороды, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ въ Москвѣ — Потопъ Зміинъ, Жену Лотову, Икону Алкивіадскую. Таковы первоисточники, положенные г. Эрномъ въ основу его интереснаго труда. Обратимся теперь къ обозрѣнію его содержанія. Часть 1-я (о личности) дѣлится на XII главъ: I) прологъ на небѣ, II) прологъ на землѣ, III) годы юности и ученія, IV) заграничное странствіе, V) неопредѣленность, VI) основныя черты душевнаго склада, VII) жизненное рѣшеніе, VIII) дружба съ Ковалинскимъ, IX) страннический посохъ, X) учительство и писательство, XI) послѣдніе годы, XII) смерть. Основываясь на характеристикѣ личности Сковороды у Ковалинскаго, г. Эрнъ открываетъ въ немъ подвижника истины и правды, приверженца не раціонализма, а λογος'а, въ основѣ котораго лежало ученіе восточныхъ отцовъ церкви — Максима Исповѣдника и друг. Послѣдній высказалъ мысль, что въ природѣ открывается такая же истина, какъ и въ писаніи; этимъ разрѣшается и проблема Сковороды. «Концепція Максима Исповѣдника—объ откровеніи въ природѣ, говоритъ г. Эрнъ, дастъ намъ возможность метафизически понять и принять Сковороду въ его подлинномъ, цѣломъ и неискаженномъ видѣ». Но тѣло его родилось въ странѣ варварской (?) полукультуры, въ странѣ стихійной природности (въ Малороссіи — это по терминологіи г. Эрна). Отсюда противоположность двухъ его стихій: универсальность и провинціализмъ, но несмотря на свою казацкую плоть, онъ сумѣлъ подняться выше раціо-

пализма, преодолѣвъ ratio своего вѣка античнохристіанскимъ началомъ λογος'а». Затѣмъ г. Эрнъ разсказываетъ о заграничномъ путешествіи Сковороды, его начитанности и характерѣ познаній (Сковороду влекла античность и патристика); въ выборѣ матеріала его характеризуетъ самостоятельность и благородство вкуса. Далѣе г. Эрнъ останавливается на порѣ неопредѣленности въ жизни Сковороды — это былъ періодъ одиночества, обращенія внутрь себя — пребываніе въ Переяславскомъ училищѣ и у помѣщика Тамары. Основныя черты душевнаго склада Г. С. Сковороды за это время г. Эрнъ очень удачно характеризуетъ, опираясь на ipsissima verba Сковороды—его «Садъ Божественныхъ пѣсней». Здѣсь, справедливо замѣчаетъ г. Эрнъ, данныя огромной внутренней цѣнности сочетаются съ точностью датировки. Многія стихотворенія помѣчены мѣстомъ и временемъ написанія... Это *лирика* Сковороды, торжественная, величавая и правдивая. Это духовныя пѣсни, предназначавшіяся для пѣнія и музыки. «Садъ Божественныхъ пѣсней» открываетъ мятущуюся скорбную душу Сковороды. Выходъ изъ мрака къ свѣту онъ находитъ въ жаждѣ распяться въ себѣ самомъ, въ самоочищеніи, въ бореніи. Онъ предался любомудрію и остановился, наконецъ, на опредѣленіи своего жизненнаго пути, которое вытекало изъ чистой идеи его существа. Важнымъ моментомъ является дружба Сковороды съ его ученикомъ М. И. Ковалинскимъ. Г-нъ Эрнъ, на основаніи ихъ переписки, устанавливаетъ характеръ этой дружбы и ея исключительно важную роль въ жизни Сковороды. Въ лицѣ Ковалинскаго Г. С. Сковорода пріобрѣлъ перваго ученика и адепта, послѣдователя, кандидата блаженнѣйшей своей христіанской философіи. Важныя послѣдствія этой дружбы выразились въ двухъ крупныхъ фактахъ — 1) составленіи Ковалинскимъ біографіи Сковороды и 2) въ посвященіи ему Г. С. Сковородою цѣлаго ряда трактатовъ. Съ 1766 по 1794-й годъ тянется страннической образъ жизни Сковороды, соединенный съ учительствомъ. Г-нъ Эрнъ правильно опредѣляетъ роль Сковороды терминомъ «старца», но есть и еще одна, болѣе близкая, по нашему мнѣнію, аналогія его — со странствующими «мандроваными» дьяками, учителями. Интересно сопоставленіе у г. Эрна «ухода» въ странствованіе Г. С. Сковороды и Л. Н. Толстого, при чемъ онъ отдаетъ и не безъ основанія рѣшительное предпочтеніе подвигу

старчика Г. С. Сковороды; самая рѣзкая разница въ томъ, что Л. Н. Толстой ушелъ *умирать,* а Г. С. Сковорода — *жить* и жилъ онъ послѣ своего ухода почти аскетомъ 28 лѣтъ! Значеніе его подвига приближаетъ его къ Сократу. Его учительство пошло по тремъ русламъ и выразилось — 1) въ составленіи философско-богословскихъ трактатовъ и литературныхъ произведеній, 2) въ перепискѣ съ друзьями и 3) въ устныхъ бесѣдахъ. Интересно вдумчивое изображеніе г. Эрномъ всѣхъ этихъ трехъ видовъ дѣятельности Г. С. Сковороды. Интересно его тонкое наблюденіе, что «свои сочиненія Сковорода сознательно предназначалъ исключительно для друзей своихъ. Онъ писалъ *подружески,* интимно. Онъ вообще не публицистъ, не соціальный борецъ, не религіозный реформаторъ. Сражаться съ людьми и порядками онъ вовсе не хочетъ... Борьба его внутренняя, напряженность ея — чисто духовная. Въ немъ самомъ свершается непрерывная духовная брань... И самая діалогическая форма, излюбленная Сковородой, диктуется взволнованнымъ душевнымъ состояніемъ Сковороды... Вотъ отчего сочиненія свои Сковорода хотѣлъ видѣть исключительно въ рукахъ своихъ друзей. Только друзьямъ можно было имѣть эти сколки души. И мысль Сковороды можно распространить и *на настоящее время.* Въ лабиринтъ мыслей Сковороды можно проникать лишь сочувственнымъ *вниманіемъ,* и тотъ, кто и теперь безъ *дружественной* расположенности станетъ читать писанія Сковороды, врядъ ли восчувствуетъ скрытую въ нихъ красоту, врядъ ли сумѣетъ возстановить цѣльный образъ его философской мысли». Эти слова характерны для отношенія къ Г. С. Сковородѣ самого г. Эрна — оно во многихъ случаяхъ восторженное; а эта восторженность отражается и на самомъ изложеніи автора, которое отличается живостью, проникнуто чувствомъ, что не мѣшаетъ автору однако дѣлать наблюденія, высказывать мѣткія сужденія. Въ писательской дѣятельности Сковороды г. Эрнъ различаетъ три момента — конецъ 60-хъ годовъ, мотивомъ котораго является идея самопознанія, 70-е годы, когда онъ сообщаетъ другимъ сокровища достигнутаго имъ внутренняго мира, и 80-е годы, посвященные проблемѣ Священнаго Писанія. Но здѣсь нѣтъ эволюціи взглядовъ: самопознаніе — корень и стволъ, душевный миръ — плоды и вѣтви, умозрѣніе о книгѣ книгъ — вершины того же мощнаго дерева. Вліяніе Ско-

вороды осязательно сказалось въ созданіи вокругъ него сложившейся и ему приписываемой апокрифической литературы. Г. Эрнъ говоритъ: проф. Д. И. Багалѣй съ совершенной очевидностью доказалъ непринадлежность «Правды Вѣры» Сковородѣ, но это переработка міросозерцанія Сковороды въ идеалистическомъ направленіи. Авторъ «Ольги православной» истолковываетъ Сковороду въ славянофильскомъ духѣ. Г. Эрнъ сопоставляетъ далѣе письма Г. С. Сковороды и Л. Н. Толстого и даетъ правильную, на нашъ взглядъ, характеристику переписки Г. С. Сковороды съ его друзьями. Описаніемъ послѣднихъ лѣтъ жизни и смерти оканчивается одухотворенная, проникновенная біографія Сковороды, написанная г. Эрномъ. Она представляетъ въ этомъ отношеніи полную противоположность біографіи его, нѣкогда написанной Г. П. Данилевскимъ: то былъ очеркъ внѣшней жизни, а это внутренняя исторія человѣка.

2-я часть труда г. Эрна посвящена уясненію міровоззрѣнія Г. С. Сковороды и также, какъ и первая, состоитъ изъ 12 главъ: I) вступительныя замѣчанія, II) антропологическая точка зрѣнія, III) hieroglyphica, emblemata, symbola, IV) проблема Библіи, V) ученіе о внутреннемъ человѣкѣ, VI) ученіе о мірѣ, VII) о Богѣ, VIII) мистическая мораль, IX) прикладная мораль, X) педагогическія идеи, XI) Сковорода и церковь, XII) заключеніе: Сковорода и послѣдующая русская мысль. Въ началѣ г. Эрнъ останавливается вкратцѣ на литературѣ вопроса о философіи Сковороды и высказываетъ здѣсь положеніе, съ которымъ нельзя согласиться, какъ это видно уже изъ моего краткаго нынѣшняго критико-библіографическаго очерка,—«мысль Сковороды, говоритъ онъ, его философское міровоззрѣніе игнорировалось почти всѣми. Мы можемъ назвать только одну статью Зеленогорскаго, серьезно и съ достаточнымъ знаніемъ обсуждающую философію Сковороды, но и Зеленогорскій больше говоритъ о заимствованіяхъ, тогда какъ у Сковороды есть *своя собственная центральная мысль*» (стр. 209). Это очень строгая и едва ли справедливая оцѣнка предшествующей литературы.

Въ частности совершенно невѣрно утвержденіе г. Эрна, что двѣ статьи А. Я. Ефименко написаны въ такомъ же духѣ, какъ и біографія Г. П. Данилевскаго, который не придавалъ цѣны философскимъ трудамъ Г. С. Сковороды. На такой точкѣ зрѣнія не стоялъ, какъ мы видѣли,

никто изъ изслѣдователей Сковороды за послѣднія 20 лѣтъ, наоборотъ, всѣ почти (и я въ томъ числѣ) подчеркивали органическую связь его ученія съ жизнью и останавливались на его философіи. Нѣтъ надобности приводить доказательства этого положенія — на столько оно безспорно. Г-нъ Эрнъ правильно исходитъ изъ самого Сковороды, чтобы опредѣлить мысли его. Первою наиболѣе характерною чертою его воззрѣній онъ считаетъ такъ названный имъ его *антропологизмъ* — или самопознаніе: все у Сковороды въ самомъ человѣкѣ. Человѣкъ—это микрокосмъ; въ немъ метафизически вся вселенная, въ немъ и Богъ. Этимъ опредѣляется и его отношеніе къ знанію, къ наукѣ: Г. С. Сковорода отрицаетъ знаніе, но не всякое, а оторванное отъ жизни. А знаніе нужное для жизни — это христіанская философія. Въ немъ существенную роль играетъ символика Сковороды, вытекающая изъ его антропологизма. У него основа мышленія символическая, кромѣ того, эмблемы играютъ и важную вспомогательную роль. Особенно замѣтно это проявляется въ трактатахъ, посвященныхъ Библіи. Библія имѣетъ центральное значеніе для философскаго сознанія Сковороды. Объяснять это однимъ вліяніемъ отцовъ церкви невозможно: Сковорода вноситъ въ отношеніе къ Библіи страстную личную ноту; его влечетъ къ ней неопреодолимая тайная сила; спеціально ей онъ посвящаетъ три своихъ трактата. Въ нихъ онъ развиваетъ мысли о трехъ мірахъ — великомъ, символичномъ и маломъ-микрокосмѣ; каждый же изъ нихъ состоитъ изъ матеріи и формы.

Г-нъ Эрнъ рѣшительно возстаетъ противъ мнѣнія о раціонализмѣ Сковороды и отрицаніи Библіи въ духѣ XVIII вѣка или Л. Н. Толстого. Онъ сопоставляетъ мѣста изъ сочиненій Сковороды, подавшія поводъ къ такому неправильному мнѣнію, съ выдержками изъ Оригена, идя здѣсь по пути, указанному еще А. С. Лебедевымъ. Вообще здѣсь г. Эрнъ углубляется въ вопросъ и даетъ нѣсколько цѣнныхъ заключеній и наблюденій, точно также какъ и въ главѣ о внутреннемъ человѣкѣ; въ этомъ ученіи онъ видитъ органическій синтезъ Платона съ Библіей и называетъ Сковороду *христіанскимъ платоникомъ*. Излагая ученіе Сковороды о мірѣ, г. Эрнъ отмѣчаетъ въ немъ какъ бы пантеистическое смѣшеніе Бога съ міромъ, но прибавляетъ, что онъ въ дѣйствительности принципіально далекъ отъ пантеизма. У Сковороды г. Эрнъ отмѣчаетъ нѣсколько

такихъ уклоновъ въ сторону—это недостатки въ общемъ цѣльной и ясной системы его мышленія. Глубоко проникаетъ г. Эрнъ и въ ученіе Сковороды о Богѣ, приводя здѣсь, какъ и всюду, массу выдержекъ изъ сочиненій Сковороды; здѣсь онъ отмѣчаетъ мысль его о Боговоплощеніи не только въ Евангеліи, но и въ Библіи и идею преображенія міра и о Богочеловѣчествѣ Іисуса Христа. Мораль Сковороды онъ дѣлитъ на мистическую и прикладную. Г-нъ Эрнъ не согласенъ съ тѣми, кто прежде всего видѣлъ въ Сковородѣ моралиста; по его мнѣнію, въ немъ сильнѣе философъ-теоретикъ (что впрочемъ отмѣчалось и ранѣе). Между этикой и метафизикой Сковороды глубочайшая связь. Величайшее благо человѣка, его счастіе — внутри его. Л. Н. Толстой проповѣдывалъ недѣланіе, Кантъ — отлеченный долгъ, Сковорода—внутренняго человѣка. Каждый человѣкъ долженъ, по мысли Сковороды, искать свою идеальную форму: «ищи, говоритъ онъ, расцвѣта своей природы». Но въ Сковородѣ жилъ и темпераментъ настоящаго моралиста — отсюда его прикладная мораль, для выраженія которой онъ находитъ свои слова и его рѣчь, «сохраняя все время принципіальный характеръ, становится здѣсь особенно своеобразной, страстной, дышащей убѣжденностью и паѳосомъ его личности». Высшее счастіе—въ душевномъ мирѣ, а этотъ послѣдній—въ сродности, въ послѣдованіи своей природѣ, своимъ склонностямъ. Сковорода не отрицаетъ ни науки, какъ таковой, ни государства, ни культуры. Въ этомъ смыслѣ онъ безконечно далекъ отъ Л. Н. Толстого. Онъ отрицаетъ не культуру, а ея извращеніе у тѣхъ, кто входитъ въ несвойственную ему стать и тѣмъ наноситъ вредъ не только себѣ, но и всему обществу. «Воиномъ кто рожденъ, говоритъ онъ, дерзай, вооружайся. Многократно я тебѣ говаривалъ, что тебѣ или тому быть священникомъ или монахомъ не по природѣ; но чтобы сказать, что священство или монашество стать вредна, никогда сего не было».

На этомъ построены и педагогическія идеи Сковороды: онъ былъ противъ обезьянства въ воспитаніи, и независимо отъ Руссо проповѣдовалъ, что главное природа и потому нужно дѣйствовать на сердце. Далѣе г. Эрнъ старается уловить отношеніе Сковороды къ церкви и находитъ, что оно отличалось нѣкоторой неопредѣленностью. «Цѣлый рядъ фактовъ, говоритъ онъ, свидѣтельствуетъ, что между Сковородой и церковью не

стояло никакихъ принципіально непроходимыхъ преградъ. Въ полномъ согласіи съ этими фактами находятся *сужденія* Сковороды о церкви, до насъ дошедшія». Онъ враждебно настроенъ не противъ монашества вообще, а противъ современнаго ему монашества. Онъ искренно стремился ко вселенскому началу. Какое бы то ни было сектантство имъ искренно отрицается. «И все же, прибавляетъ г. Эрнъ, въ Сковородѣ чувствуется иногда если не сектантъ, то потенціалъ сектанта» (стр. 326). Но если Сковорода искренно отрицалъ какое бы то ни было сектантство, въ томъ числѣ и мартинизмъ, то гдѣ же тутъ основаніе для потенціалъ-сектанта? Мнѣ кажется, что г. Эрнъ употребилъ здѣсь, стремясь къ образности рѣчи, просто неудачное выраженіе: онъ только хотѣлъ сказать, какъ и говоритъ въ дѣйствительности, что «вселенскости своихъ стремленій онъ не могъ довершить и утвердить» (стр. 326). Въ заключеніе г. Эрнъ останавливается на связи ученія Сковороды съ послѣдующею русскою философскою мыслью. Не смотря на отсутствіе формальной связи между Сковородой и послѣдующими русскими философами, онъ устанавливаетъ внутреннюю ихъ объединяющую связь—λογος: русскіе мыслители, раздѣленные эпохами и незнаніемъ другъ друга, *перекликаются* между собой. Г. С. Сковорода—родоначальникъ русской философской мысли. «Въ лицѣ Сковороды происходитъ рожденіе философскаго разума въ Россіи; и въ этомъ же первомъ лепетѣ звучатъ новыя, незнакомыя новой Европѣ ноты, объявляется опредѣленная вражда раціонализму, закладываются основы совершенно иного самоопредѣленія философскаго разума. Основная черта глубокаго духовнаго средства между Сковородой и послѣдующей русской мыслью есть странничество»... Но есть и цѣлый рядъ другихъ сходныхъ чертъ. Г-нъ Эрнъ здѣсь нѣсколько увлекается и считаетъ Сковороду даже родоначальникомъ русскаго славянофильства, но для этого, конечно, нѣтъ достаточныхъ основаній, ибо та книжечка «Ольга православная», гдѣ высказаны славянофильскія мысли, Сковородѣ не принадлежитъ, а была ли она написана кѣмъ-либо изъ учениковъ Сковороды, также рѣшительно неизвѣстно. Интересно заключеніе г. Эрна о значеніи Сковороды. «Сковорода стоитъ у самаго порога русской мысли. Онъ первый и творчески начинаетъ то, что потомъ геніально растетъ, множится и цвѣтетъ. Блескъ и величіе послѣдующаго ни мало не

должны заслонять его скромную, но героическую фигуру и отнимать у него хоть частицу славы и признанія, которыя ему подобають. Сковорода имѣетъ специфическую прелесть *примитива*, черты соединенія геніальности съ наивной и цѣломудренной скованностью культурныхъ формъ, и эта прелесть, какъ неповторимая, навсегда останется за нимъ» (стр. 342).

Авторъ разобраннаго нами труда не свободенъ отъ подчасъ рискованныхъ утвержденій, но они вытекаютъ изъ глубокаго изученія Сковороды и благороднаго увлеченія его жизнью и философіей. Г-нъ Эрнъ ставитъ эпиграфомъ 2-й части своего сочиненія изреченіе Сковороды: «*совершенно человѣка видитъ и сердце его любитъ, кто любитъ мысли его*»—и этотъ эпиграфъ вполнѣ примѣнимъ къ его собственному труду о Сковородѣ. Никто такъ глубоко, какъ онъ, не проникалъ во внутреннюю жизнь Сковороды и въ его мысли, и это потому, что онѣ близки и симпатичны автору; и его самаго со Сковородой сближаетъ λόγος этого послѣдняго. Многое изъ того, что говоритъ г. Эрнъ о Сковородѣ, высказывалось и ранѣе, но онъ самъ продумалъ и проработалъ труды Сковороды и кромѣ того выразилъ все это въ оригинальномъ стилѣ—яркомъ, колоритномъ, далекомъ отъ антикварнаго сухого изложенія. Энтузіастъ Сковорода нашелъ себѣ энтузіаста біографа въ лицѣ Коваленскаго, а теперь энтузіаста интерпретатора въ лицѣ г. Эрна. Книга г. Эрна читается съ захватывающимъ интересомъ и знакомитъ съ нимъ широкую публику. Сковорода получилъ теперь признаніе историка русской философской мысли въ качествѣ русскаго, а не только малороссійскаго или украинскаго философа. Открылось ему мѣсто и во всемірной философіи.

VII.

Предыдущее изложеніе подготовило насъ и къ оцѣнкѣ вышедшаго въ 1912 году въ Петербургѣ 1-го тома «Собранія сочиненій Г. С. Сковороды» подъ редакціей Владимира Бончъ-Бруевича [1]).

---

1) Вотъ полное его заглавіе: Materiaux pour servir à l'histoire des sectes russes. Livraison 5. Redigé par V. Bontch-Brouèvitch. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и *старообрядчества*. Подъ редакціей Вл. Бончъ-

Установимъ прежде всего отношеніе настоящаго изданія къ Харьковскому въ смыслѣ оцѣнки этого послѣдняго г. Бончъ-Бруевичемъ и ихъ дѣйствительной разницы и преемственности, а потомъ разберемся въ тѣхъ взглядахъ, которые высказываетъ редакторъ изданія на философію Г. С. Сковороды. Вотъ что разсказываетъ самъ г. Бончъ-Бруевичъ объ исторіи своего изданія. «Будучи занятъ изученіемъ и собираніемъ матеріаловъ по сектантству современной Россіи, я не могъ урвать время на изданіе сочиненій Г. С. Сковороды и, вѣроятно, еще не скоро собрался бы сдѣлать это, если бы неожиданныя обстоятельства — такъ сказать, «сама судьба» — не помогли бы мнѣ. Въ концѣ 1909 года А. А. Шахматовъ передалъ мнѣ списки сочиненій Г. С. Сковороды, которые ему переслалъ Д. И. Багалѣй съ предложеніемъ напечатать ихъ въ Академическихъ «Сборникахъ». Алексѣй Александровичъ предложилъ мнѣ просмотрѣть, не подойдетъ ли это къ моей серіи. Узнавъ, что это писанія Сковороды, я тутъ же заявилъ Алексѣю Александровичу, что нисколько не сомнѣваюсь, что вполнѣ подойдетъ, если только удастся справиться съ матеріальной стороной изданія». Далѣе г. Бончъ-Бруевичъ разсказываетъ о томъ, что онъ рѣшилъ переиздать всего Сковороду, а нетолько то, что было прислано въ рукописяхъ мною, и потому обратился ко мнѣ съ просьбою о разрѣшеніи воспользоваться для своего изданія какъ моими рукописями, такъ и тѣмъ, что было издано уже Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ; г. Бончъ-Бруевичъ приводитъ отрывокъ изъ моего письма, въ которомъ я давалъ это разрѣшеніе, какъ лично отъ себя, такъ и отъ Историко-Филологическаго Общества. Для осуществленія изданія г. Бончъ-Бруевичъ призналъ для себя «совершенно необходимымъ подробное ознакомленіе какъ съ подлинниками рукописей Г. С. Сковороды, такъ и со всѣми тѣми копіями, которыя находятся въ различныхъ книгохранилищахъ и частныхъ архивахъ. Для этого, говоритъ онъ, я обратился въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ съ памятной запиской, въ

Бруевича. Выпускъ пятый. Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Томъ I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Владимира Бончъ-Бруевича. Портретъ и факсимиле автора. Спб. 1912, т. XV, 543 стр. Ц. 4 р.

которой изложилъ планъ изданія «Собранія сочиненій Г. С. Сковороды», и просилъ отдѣленіе выписать для моихъ работъ всѣ мною перечменованныя рукописи въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности отнеслось сочувственно къ моей просьбѣ и постановило выписать изъ всѣхъ книгохранилищъ нужныя мнѣ рукописи». Скоро г. Бончъ-Бруевичъ сталъ уже работать надъ рукописями Московскаго Румянцовскаго музея, Библіотеки Московской Духовной Академіи, Библіотеки Кіевской Духовной Академіи, Библіотеки Харьковскаго Университета, Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Императорской Публичной Библіотеки, Архива Из. Ив. Срезневскаго. «Копіи, присланныя Д. И. Багалѣемъ, прибавляетъ г. Бончъ-Бруевичъ, находились у меня, а *въ настоящее время онѣ хранятся въ сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ*». «Всѣ эти источники, говоритъ онъ, дали мнѣ возможность произвести ту работу, которую мы представляемъ теперь на судъ читателей и критики» (стр. IX). Остановимся пока на этихъ заявленіяхъ. Изъ нихъ видно, что г. Бончъ-Бруевичъ привлекъ для своего изданія всѣ подлинныя рукописи Г. С. Сковороды, полученныя имъ при посредствѣ Императорской Академіи Наукъ. Казалось бы, что, при такихъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, г. Бончъ-Бруевичъ не нуждался въ спискахъ, отъ меня полученныхъ. Какое въ самомъ дѣлѣ значеніе могли имѣть для него мои списки, когда въ его рукахъ были оригиналы? Мало того. «Для того, чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ точности опубликованія списковъ, говоритъ г. Бончъ-Бруевичъ, по нашей просьбѣ, Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ разрѣшило произвести фотографическіе снимки съ *большинства подлинниковъ рукописей* Сковороды, сохраняющихся въ Румянцовскомъ музеѣ. Эти фотографическіе снимки, хранящіеся въ настоящее время въ сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, служили для меня главнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ опубликованія рукописей украинскаго писателя. По два и по три раза была прочитана мною лично корректура по этимъ фотографическимъ снимкамъ, при чемъ въ большинствѣ случаевъ копіи, по которымъ производился наборъ также ранѣе были свѣ-

рецы съ подлинниками, а иногда рукописи набирались прямо съ фотографическихъ подлинниковъ. Нѣкоторые рукописи были лично переписаны мною съ подлинниковъ Сковороды. Весь этотъ процессъ внѣшней работы мы отмѣчаемъ въ примѣчаніяхъ» (стр. X). Изъ этого видно, что г. Бончъ-Бруевичъ поставилъ себѣ задачу научнаго изданія сочиненій по рукописямъ и находился въ неизмѣримо болѣе благопріятныхъ для этого условіяхъ, чѣмъ я, когда осуществлялъ Харьковское изданіе. Передъ нимъ было два пути — или переиздать Харьковское изданіе съ прибавленіемъ къ нему матеріаловъ, собранныхъ мною для 2-го тома — тогда бы ему пришлось только провѣрить по подлинникамъ какъ печатный текстъ, такъ и мои копіи рукописей и исправить въ нихъ неизбѣжныя при перепискѣ ошибки и при печатаніи опечатки — или же поступить такъ, какъ рѣшилъ поступить г. Бончъ-Бруевичъ, т. е. самостоятельно вести изданіе по рукописямъ.

Само собою разумѣется, что второй путь былъ предпочтительнѣе и при немъ — еще разъ повторяю и подчеркиваю это — ни печатный текстъ Харьковскаго изданія, ни мои копіи для г. Бонъ-Бруевича не должны были имѣть значенія. Однако, къ сожалѣнію, г. Бончъ-Бруевичъ, имѣя полную возможность пойти по второму самостоятельному пути, фактически избралъ почему-то, третій смѣшанный, котораго онъ не долженъ былъ избирать и который притомъ, какъ увидимъ далѣе, расходится съ только-что приведенными выше его собственными заявленіями. Объ этомъ пути даетъ понятіе слѣдующее его признаніе. «Считаю необходимымъ отмѣтить здѣсь, что мою работу, нерѣдко кропотливую и долгую, все же вести было сравнительно не трудно, благодаря той большой дорогѣ, которую такъ энергично проложилъ своими работами и изслѣдованіями Дмитрій Ивановичъ Багалѣй, которому, несомнѣнно, принадлежитъ пальма первенства въ открытіи Г. С. Сковороды для русской науки. Всѣ изданія и всѣ свѣдѣнія о работахъ Г. С. Сковороды до книги Д. И. Багалѣя (Харьковъ, 1894) были крайне отрывочны, случайны, неполны. Только эта книга, *только это изданіе* «Сочиненій Григорія Саввича Сковороды» дало впервые возможность вполнѣ оріентироваться въ этомъ было забытомъ народномъ писателѣ XVIII вѣка. Намъ пришлось въ дальнѣйшей работѣ критически отнестись какъ къ изданнымъ Д. И. Багалѣемъ текстамъ, такъ и къ

копіямъ рукописей, доставленныхъ Д. И. Багалѣемъ для опубликованія въ «Сборникахъ» Академіи Наукъ. Сравнивъ ихъ съ подлинниками, мы обнаружили значительные недостатки, пропуски, измѣненія, что нами отмѣчено въ главнѣйшихъ случаяхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Очевидно, работа у Д. И. Багалѣя велась спѣшно и, вѣроятно, при сотрудникахъ, не достаточно внимательно отнесшихся къ своей отвѣтственной задачѣ, но за всѣмъ тѣмъ — все-таки работа, произведенная Д. И. Багалѣемъ надъ твореніями Г. С. Сковороды, весьма обширна, значительна и плодотворна» (стр. X). Спрашивается все-таки, затѣмъ г. Бончъ-Бруевичу понадобилась провѣрка изданныхъ мною текстовъ и неизданныхъ копій, разъ онъ рѣшилъ вести свое изданіе по подлиннымъ рукописямъ—по автографамъ, а гдѣ ихъ не было по спискамъ? Было бы проще устранить эти матеріалы по ихъ ненужности и дать свой собственный провѣренный текстъ — такова была прямая задача новаго издателя, привлекшаго къ своему изданію рукописи и получившаго возможность сдѣлать съ рукописей фотографіи, по которымъ частію производился даже наборъ. Г-нъ Бончъ-Бруевичъ говоритъ объ ошибкахъ въ моихъ копіяхъ. Но вѣдь при печатаніи этихъ копій я бы еще долженъ былъ свѣрить ихъ съ подлинниками и такимъ образомъ ошибки текста были бы устранены. А передавая г. Бончъ-Бруевичу эти копіи, я, конечно, расчитывалъ, что эту провѣрку онъ сдѣлаетъ. Это та черновая, кабинетная работа, которую издатель производитъ для себя. Являясь новымъ издателемъ и при томъ полнаго собранія сочиненій Г. С. Сковороды, г. Бончъ-Бруевичъ долженъ былъ дать болѣе точный текстъ, ибо уже a priori можно было думать, что въ моемъ изданіи должны быть ошибки, недосмотры, пропуски, опечатки. И удивляться имъ, подчеркивать ихъ и преувеличивать значеніе ихъ можетъ только лицо или неопытное въ издательскомъ дѣлѣ, или самоувѣренное, или желающее такимъ пріемомъ поднять удѣльный вѣсъ собственнаго изданія на счетъ предшествующаго. И невольно, къ сожалѣнію, приходится остановиться на послѣднемъ предположеніи, если обратить вниманіе на тотъ экскурсъ, который посвящаетъ г. Бончъ-Бруевичъ мнѣ и Харьковскому изданію на 43—49 страницѣ своего изданія. Для вящаго подчеркиванія онъ выдѣленъ въ особую статью, носящую заглавіе: «По поводу опубликованія подлиннаго текста рукописей М. И.

Ковалинскаго проф. Д. И. Багалѣемъ въ изданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества» и находится въ явномъ противорѣчіи съ оцѣнкою Харьковскаго изданія, сдѣланною въ предисловіи, изъ котораго выше я привелъ точныя выписки.

Здѣсь, вопреки моему утвержденію, г. Бончъ Бруевичъ высказываетъ сомнѣніе въ моихъ словахъ о томъ, что «біографія Г. С. Сковороды Ковалинскаго была напечатана мною по подлинной рукописи Ковалинскаго. На чемъ же строитъ онъ такое смѣлое утвержденіе? Что даетъ ему право обвинять меня въ неправдѣ? Есть ли для этого достаточныя основанія? Это утвержденіе доказывается слѣдующими двумя положеніями — 1) противорѣчіемъ въ моей оцѣнкѣ того списка біографіи, которымъ пользовался проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, 2) ошибками въ изданномъ мною текстѣ біографіи.

Обращаюсь прежде всего къ разбору моего *мнимаго* противорѣчія въ отзывѣ о текстѣ біографіи на стр. CXV и XLIX. На стр. CXV-й я утверждаю, что проф. Н. Ѳ. Сумцовъ напечаталъ біографію по 2-мъ спискамъ, а я впервые по оригиналу; то, что напечатано у меня на стр. XLIX, не находится ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ этимъ утвержденіемъ: тамъ нѣтъ отрицанія ни того, что изданіе проф. Н. Ѳ. Сумцова сдѣлано по спискамъ, ни того, что мое изданіе сдѣлано по оригиналу. Тамъ только сообщаются подробности объ изданіи Н. Ѳ. Сумцова, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Вотъ мой подлинный текстъ: «что касается самого изданія памятника, то оно сдѣлано Н. Ѳ. Сумцовымъ по *списку* его, присланному изъ Курска въ редакцію «Кіевской старины» г. Добротворскимъ; недостающія мѣста (начало рукописи оказалось нѣсколько попорченнымъ) Н. Ѳ. Сумцовъ пополнилъ по тѣмъ выпискамъ изъ «Житія», которыя раньше напечатаны были въ «Укр. Стар.» Данилевскаго, но и они были пополнены редакціей «Кіевской Старины» по совершенно *полному списку* Житія», присланному г. Ястребовымъ изъ Елизаветграда». Этотъ текстъ приводитъ и г. Бончъ Бруевичъ, но умудряется (sit venia verbo!) сдѣлать отсюда такой несоотвѣтственный и абсолютно неправильный и логически не вытекающій изъ этого мѣста выводъ: «по смыслу этого авторитетнаго заявленія выходитъ такъ, что работа Сумцова по двойному списку является какъ бы исчерпывающей

въ отношеніи точности и близости *къ подлиннику* (!!!???[1]): пропусковъ... оказалось чрезвычайно мало, но и они были пополнены редакціей «Кіевской Старины» по совершенно полному списку «Житія». Намъ кажется, что истолковать иначе не внушающія ни малѣйшаго сомнѣнія слова эти никакъ нельзя, что совершенно, конечно, не согласуется съ предыдущимъ свидѣтельствомъ, гдѣ сказано, что *впервые* опубликованный текстъ Д. И. Багалѣя, являясь подлинникомъ, «во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ текста, опубликованнаго проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ». Въ чемъ же выражается тогда «совершенная полнота» списка Сумцова? Отмѣчая мимоходомъ это странное противорѣчіе въ критико-библіографическихъ заявленіяхъ почтеннаго Харьковскаго профессора, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію опубликованнаго имъ, Д. И. Багалѣемъ, въ первый разъ—по его заявленіямъ—истиннаго подлинника рукописи М. И. Ковалинскаго» (стр. 44). Признаюсь, весь этотъ неожиданный выводъ, не вытекающій изъ моихъ словъ, привелъ меня въ изумленіе: вѣдь все это мнимое противорѣчіе создано только самимъ г. Бончъ Бруевичемъ, позволившимъ себѣ вставить слово о *«подлинникѣ»,* котораго у меня какъ видитъ читатель не было. Могу по этому поводу высказать два предположенія — или г. Бончъ Бруевичъ сдѣлалъ эту вставку о подлинникѣ сознательно, чтобы доказать противорѣчіе, или ему такъ хотѣлось получить здѣсь противорѣчіе, нужное для послѣдующаго вывода, что онъ въ увлеченіи этой идеей самъ не замѣтилъ своего сочиненія. По моему, однако, и то, и другое является недопустимымъ «полемическимъ пріемомъ» и не соотвѣтствуетъ добрымъ литературнымъ нравамъ. Въ самомъ дѣлѣ: не могу же я допустить, чтобы г. Бончъ Бруевичъ не разобрался въ этомъ дѣлѣ. Вѣдь яснѣе яснаго, что и въ первомъ, и во второмъ отрывкѣ я говорю о напечатаніи Н. Ѳ. Сумцовымъ біографіи Сковороды по *спискамъ,* а не *подлиннику,* о существованіи котораго онъ тогда и не зналъ. Во второмъ отрывкѣ я только подробнѣе разсказываю исторію его изданія *по спискамъ* же, а не оригиналу Ковалинскаго, о которомъ тогда не вѣдали. Говоря о пополненіи его текста редакціей «Кіевской Старины» по «совершенно полному списку «Житія», полученному отъ г. Ястребова, я

1) Восклицательные и вопросительные знаки принадлежатъ мнѣ. Д. Б.

не могъ же разумѣть подъ нимъ оригинала Румянцовскаго музея, ибо тогда прямо указалъ бы на этотъ послѣдній. Если бы г. Бончъ Бруевичъ обратился къ изданію «Біографіи», сдѣланному проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ,— а онъ долженъ былъ это сдѣлать на основаніи требованій добросовѣстной критики—, то онъ не впалъ бы въ столь странное заблужденіе, ибо увидѣлъ бы, что все то, что сказано мною на стр. XLIX моего критико-библіографическаго очерка, представляетъ вѣрное и точное воспроизведеніе замѣчаній, напечатанныхъ при изданіи этого памятника Н. Ѳ. Сумцовымъ. И вотъ тому доказательства. Въ концѣ предисловія къ своему изданію проф. Н. Ѳ. Сумцовъ пишетъ: «такой памятникъ заслуживаетъ приведенія его въ извѣстность въ подлинномъ и цѣльномъ его видѣ, и мы дѣлаемъ это по рукописи, сообщенной редакціи «Кіевской Старины» г. Добротворскимъ изъ Курска.... «Житіе» написано на 33 листикахъ синей бумаги въ 4 д. листа. Первые пять листиковъ значительно попорчены, нижнія части ихъ подгнили и оборваны. Кое-что изъ утеряннаго мы возстановили по тѣмъ выпискамъ изъ «Житія», которыя находятся въ сочиненіи г. Данилевскаго о Сковородѣ» («Кіевская Старина» 1886, № 2, стр. 11). А за текстомъ «Житія» имѣются сдѣланныя редакціей журнала пополненія недостающаго въ «Житіи» по другому его списку, по поводу чего мы читаемъ: «въ то время когда» «Житіе» Г. С. Сковороды въ *спискѣ,* сообщенномъ редакціи г. Добротворскимъ, было закончено печатаніемъ, нами полученъ изъ Елисаветграда отъ В. Н. Ястребова другой, *совершенно полный* и весьма исправный *списокъ* «Житія», случайно купленный имъ на Елисаветградскомъ базарѣ и сдѣланный, судя по бумагѣ и почерку, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго (т. е. XIX) столѣтія. Пользуемся этимъ спискомъ, чтобы пополнить пробѣлы, оказавшіеся здѣсь на стр. 11 и 12». Пополнивъ на 11-й стр. пробѣлъ въ 7 строчекъ и на 12-й также въ 7, редакція замѣчаетъ: «во всемъ остальномъ оба списка буквально сходны». Какъ видимъ отсюда, здѣсь имѣется то самое выраженіе—*совершенно* полный списокъ г. Ястребова—которое особенно инкриминируется мнѣ г. Бончъ Бруевичемъ и изъ коего теперь во всякомъ случаѣ этотъ послѣдній можетъ убѣдиться, что Елисаветградскій списокъ былъ названъ совершенно полнымъ въ отношеніи Курскаго списка, въ которомъ были дефекты. А оригиналъ Ковалинскаго, который *впервые*

мною изданъ, тутъ, конечно, ни причемъ! Нѣтъ также и никакого противорѣчія въ *моихъ* словахъ — создалъ же его г. Бончъ Бруевичъ — для чего — ты, Господи, вѣси!

Переходимъ теперь къ разбору другого доказательства, приводимаго г. Бончъ Бруевичемъ въ пользу его неправильной мысли о томъ, что «Біографія» Ковалинскаго напечатана была мною не съ подлинника.

Приведя мои заявленія объ автографѣ «Біографіи» Ковалинскаго, доказывающія знакомство мое съ этимъ памятникомъ, г. Бончъ Бруевичъ замѣчаетъ: «Приступивъ къ изданію сочиненій Г. С. Сковороды и не думая сомнѣваться ни въ одномъ изъ заявленій Харьковскаго профессора, мы предполагали *прямо перепечатать* изъ труда Д. И. Багалѣя работу М. И. Ковалинскаго, будучи совершенно увѣрены, что имѣемъ дѣло съ вполнѣ точной копіей подлинника. Получивъ однако отъ Румянцовскаго музея подлинники сочиненій Г. С. Сковороды и М. И. Ковалинскаго, мы, *на всякій случай* (?) рѣшили сравнить дѣйствительный подлинникъ рукописи съ текстомъ, опубликованнымъ Д. И. Багалѣемъ. Съ первыхъ же словъ мы, къ изумленію своему, нашли цѣлый рядъ болѣе или менѣе существенныхъ ошибокъ, недочетовъ и, наконецъ, пропусковъ, нерѣдко нарушающихъ смыслъ. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ здѣсь списокъ главнѣйшихъ отклоненій текста Д. И. Багалѣя отъ подлинника» (стр. 45).

Въ своемъ предисловіи г. Бончъ Бруевичъ поставилъ себѣ правильную задачу — дать своей самостоятельный текстъ по рукописямъ — и почему ему понадобилось отступить отъ этого въ отношеніи рукописи Ковалинскаго, непонятно. Имѣя въ своихъ рукахъ подлинный текстъ рукописи Ковалинскаго, онъ не долженъ былъ перепечатывать моего текста безъ провѣрки его, а между тѣмъ онъ даже провѣрку текста сдѣлалъ, какъ самъ заявляетъ, «на всякій случай». Провѣрка и исправленіе ошибокъ не есть недовѣріе къ лицу, и ихъ обязанъ дѣлать всякій новый издатель, если имѣетъ къ тому возможность. Errare humanum est. И изумленіе г. Бончъ Бруевича передъ открытыми имъ въ моемъ текстѣ ошибками отзывается дѣланностью и искусственностью: не допуская мысли, чтобы г. Бончъ Бруевичъ вѣрилъ вообще въ возможность абсолютно точныхъ изданій, воспроизводимыхъ печатнымъ образомъ, я вижу здѣсь

замаскированное желаніе путемъ невыгоднаго для другого сравненія поднять значеніе собственнаго изданія. Но насколько совершенны издательскіе пріемы самого г. Бончъ-Бруевича, мы увидимъ далѣе. Теперь же обратимся къ его указаціямъ на мои неточности. Г. Бончъ-Бруевичъ на $2^1/_2$ страницахъ отмѣчаетъ мои отклоненія по сравненію съ подлинникомъ: перечислено такихъ главнѣйшихъ отклоненій 24 на 40 страницъ текста, что составитъ въ среднемъ 0,6 на страницу. Но изъ нихъ 11 составляютъ опечатки: 1) вмѣсто «Жизнь» напечатано «Житіе», 2) вмѣсто 1794 г. поставленъ 1796 г., 3) вмѣсто «съ позволенія его» напечатано «съ позволеніемъ», 4) въ фразѣ «склонности природныя, житейскія звали его» пропущено послѣ природныя слово «нужды»; 5) въ фразѣ «являетъ въ воображеніи бытія человѣческаго» пропущено послѣ въ воображеніи слово «состояніе»; 6) вмѣсто «шибалъ» напечатано «проникалъ»; 7) передъ словами «о свобода», «о наука» пропущены — ὢ σχολίων, ὢ βιβλίων; 8) вмѣсто «развязанность» напечатано «развязность», 9) въ фразѣ «святая лавра приметъ тя, аки мати свое чадо» пропущено слово «мати»; 10) въ фразѣ «что дѣлаетъ въ жизни Сковорода» пропущено слово «въ жизни»; 11) въ фразѣ «обнажалъ простоту ихъ» напечатано «простоту» вмѣсто «пустоту». Семь отклоненій представляютъ недосмотры ни въ малѣйшей степени не измѣняющія смысла текста: 1) вмѣсто «на сей главизнѣ, корени, началѣ» напечатано: «на сей главизнѣ, на семъ корнѣ, на семъ началѣ»; 2) вм. «какъ бы употребиться ему» — «какъ бы употребить его труды»; 3) вмѣсто «Сковорода, имѣя основательнѣе и обширнѣе знанія» — «Сковорода, имѣя тогда уже болѣе основательныя и болѣе обширныя познанія»: я предпочелъ этотъ текстъ благодаря его грамматической правильности); 4) вмѣсто фразы — «посему Сковорода выгнанъ былъ изъ училища переяславскаго не съ честію» стоитъ — «вслѣдъ затѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища»: здѣсь имѣетъ значеніе только пропускъ слова «не съ честію»; 5) въ фразѣ «Сковорода началъ *больше* воздѣлывать сердце молодого воспитанника» вмѣсто слова «больше» поставлено слово *раньше*» и пропущено слово «*молодого*»; 6) въ фразѣ «вкушаетъ удовольствій природы, удовольствій простыхъ, невинныхъ» пропущено второе слово «удовольствій»; 7) въ фразѣ «ибо сіи мысли ведутъ насъ *яснымъ не-*

бомъ чрезъ волны жизни сея» пропущены слова «яснымъ небомъ». Остальныя 6 отступленій сводятся къ пропускамъ, незначительнымъ варіантамъ текста и сокращенному изложенію его, не нарушающему смысла; въ итогѣ получается пропускъ въ нѣсколько строчекъ.

Если бы г. Бончъ-Бруевичъ былъ объективенъ, то онъ могъ бы только констатировать неисправность опубликованнаго мною текста въ предѣлахъ замѣченныхъ имъ отступленій отъ него, представить свой болѣе правильный текстъ и во всякомъ случаѣ не идти по пути дальнѣйшихъ, неосновательныхъ и не вытекавшихъ изъ представленныхъ имъ данныхъ выводовъ. Къ сожалѣнію, онъ именно пошелъ по этому неправильному пути.

Отмѣтивъ мои отклоненія отъ текста, г. Бончъ-Бруевичъ замѣчаетъ: «Это открытіе сильно насъ обезкуражило, такъ какъ рѣшительно подорвало вѣру въ то, что и *остальныя рукописи напечатаны съ подлинниковъ.* Помня два категорическія заявленія профессора объ опубликованіи рукописи по подлиннику, мы рѣшительно отказывались понять, какимъ образомъ могло случиться такое крупнѣйшее недоразумѣніе, тѣмъ болѣе непріятное, что всѣ эти крайне печальныя обстоятельства покрыты двойнымъ авторитетомъ: именемъ профессора Д. И. Багалѣя и именемъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, которое за свои «Труды» должно же нести по крайней мѣрѣ равную съ редакторомъ отдѣльнаго тома, если не бо́льшую нравственную отвѣтственность. Желая хоть какъ нибудь объяснить себѣ все это печальное недоразумѣніе и убѣдившись *безповоротно,* что къ подлиннику публикація эта *не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія,* мы принялись изучать ошибки Багалѣевскаго (?!) списка. И мы полагаемъ, что онъ печатался или съ какого-то новаго, намъ неизвѣстнаго и весьма плохого списка, или, что вѣроятнѣе, со списка, *опубликованнаго Н. Сумцовымъ,* при чемъ при перепискѣ были сдѣланы ошибки, *еще ухудшившія его.* Потомъ, можетъ быть, его и свѣряли *съ подлинникомъ или плохой копіей,* но свѣряли во всякомъ случаѣ крайне поверхностно и небрежно. Къ этому выводу мы пришли на томъ основаніи, что многія ошибки списка Сумцова цѣликомъ, до знаковъ препинанія и отдѣльныхъ буквъ, перешли въ Багалѣевскую (?) публикацію». Далѣе г. Бончъ-Бруевичъ въ видѣ примѣра приводитъ указаніе

на отмѣченныя имъ мои ошибки—подъ № 9, гдѣ сокращенно и съ опущеніемъ скобокъ, бывшихъ у Н. Ѳ. Сумцова, приведенъ текстъ оригинала, и подъ № 2, гдѣ имѣется пропускъ, возстановленный редакціей «Кіевской Старины». «Мы полагаемъ, заканчиваетъ г. Бончъ-Бруевичъ, что такое неисправное опубликованіе текстовъ крайне нежелательно вообще, а при авторитетномъ утвержденіи, что этотъ весьма плохой текстъ есть точная копія съ подлинника,—въ особенности. Подобная небрежность въ научномъ изданіи, скрѣпленномъ двумя авторитетными именами, рѣшительно недопустима, и надо удивляться Харьковскому Историко-Филологическому Обществу, какъ оно не замѣтило этихъ *колоссальныхъ* (?) ошибокъ въ теченіе 15 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ своего 7-го тома. Такое невнимательное отношеніе научнаго общества къ своему обширному изданію сильно *подрываетъ довѣріе ко всѣмъ вообще его* «Трудамъ», что, конечно, очень жаль» (стр. 48—49).

Признаюсь, мнѣ трудно сдерживать свое возмущеніе и негодованіе по поводу только что приведенныхъ въ основѣ своей невѣрныхъ, а между тѣмъ оскорбительныхъ и для меня, и для Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества заключеній г. Бончъ-Бруевича. Но я призову на помощь себѣ все свое самообладаніе и разберу по существу его тираду. Я увѣренъ впрочемъ, что она сама по себѣ должна привести въ изумленіе читателя, ознакомившагося по моимъ выдержкамъ съ основаніями, приведенными въ ея пользу г. Бончъ-Бруевичемъ. Выводъ не соотвѣтствуетъ предпосылкамъ: изъ 24 ошибокъ, почти половина коихъ является опечатками, нельзя вывести заключенія, что изданіе сдѣлано не по подлиннику—это ясно и безъ моихъ указаній всякому безпристрастному читателю. Но г. Бончъ-Бруевичъ изъ нихъ и *только изъ нихъ* безповоротно убѣдился, что моя публикація не имѣетъ никакого отношенія къ подлиннику. Однако 4 строчками ниже онъ говоритъ, что, можетъ быть, имѣвшійся у меня списокъ свѣрялся съ подлинникомъ. Но если онъ свѣрялся съ подлинникомъ, хотя бы и небрежно, тогда нельзя сказать, что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ подлиннику—вѣдь это вопіющее противорѣчіе, ибо все дѣло въ свѣркѣ, которая можетъ дать текстъ списка тождественный съ оригиналомъ! Дальнѣйшія объясненія г. Бончъ-Бруевича также представляютъ изъ себя какой-то лабиринтъ неисходныхъ противорѣчій, въ которыхъ

запутался авторъ, желая во чтобы то ни стало доказать свое измышленіе. Онъ въ одной и той же фразѣ высказываетъ два исключающія другъ отъ друга предположенія, что свѣрка происходила или съ *оригиналомъ*, или *съ плохой копіей*. Хорошо это «или»: г. Бончъ-Бруевичъ не замѣчаетъ, въ какое неловкое въ логическомъ смыслѣ положеніе онъ попадаетъ съ нимъ! Вѣдь ссылка на возможность свѣрки съ оригиналомъ, какъ я уже выше замѣтилъ, въ корнѣ убиваетъ весь выводъ г. Бончъ-Бруевича объ изданіи текста по плохой копіи. Это «или» напоминаетъ шуточное малороссійское предсказаніе: «одно зъ двохъ—або жъ буде, або ни»; но тутъ юморъ, а г. Бончъ-Бруевичъ говоритъ серьезно.

Г. Бончъ-Бруевичъ полагаетъ, что мой текстъ печатался съ какого-то новаго, ему неизвѣстнаго и весьма плохого списка или—что вѣроятнѣе—со списка, опубликованнаго Н. Ѳ. Сумцовымъ, при чемъ при перепискѣ были сдѣланы ошибки, еще *ухудшившія его*. Я, къ сожалѣнію, не могу сказать, что здѣсь г. Бончъ Бруевичъ впалъ въ *добросовѣстное* заблужденіе, наоборотъ, онъ выступаетъ съ обвиненіемъ, съ которымъ, при доступной ему фактической провѣркѣ, онъ не долженъ былъ бы выступать. Сравненіе изданнаго мною текста съ текстомъ проф. Н. Ѳ. Сумцова было для него доступно и — прибавлю — *обязательно,* разъ онъ устанавливаетъ ихъ взаимное отношеніе. И если бы онъ добросовѣстно произвелъ его, то увидѣлъ бы во всякомъ случаѣ, что мой текстъ стоитъ несравненно ближе къ оригиналу, чѣмъ текстъ Н. Ѳ. Сумцова, слѣдовательно, *не хуже, а лучше его. Но г. Бончъ Бруевичъ совсѣмъ не произвелъ этого сравненія*—а между тѣмъ *сочинилъ* свой выводъ о превосходствѣ текста Н. Ѳ. Сумцова надъ моимъ текстомъ. Я не буду квалифицировать такого критическаго пріема г. Бончъ Бруевича—пусть сдѣлаетъ это онъ самъ. Я же произвелъ это сравненіе еще въ 1894 г., и у меня, къ счастію, сохранился этотъ документъ, который я предъявлялъ уважаемому А. А. Шахматову. Здѣсь и разгадка всѣхъ недоумѣній и неосновательныхъ противорѣчивыхъ гипотезъ г. Бончъ-Бруевича: документъ этотъ—*печатный текстъ Н. Ѳ. Сумцова, исправленный и дополненный собственноручно мною по оригиналу Ковалинскаго.* По немъ и издана была мною біографія Г. С. Сковороды Ковалинскаго. И мой текстъ вполнѣ соотвѣтствуетъ оригиналу Ковалинскаго, за исклю-

ченіемъ опечатокъ и ошибокъ, отмѣченныхъ г. Бончъ-Бруевичемъ. Вину за эти опечатки и ошибки я, конечно, беру на себя и только на себя, и нисколько не въ оправданіе, а только въ объясненіе могу сослаться на неблагопріятныя условія работы, заставившія меня вмѣсто списыванія рукописи переписчикомъ и провѣрки переписаннаго прибѣгнуть къ спѣшной непосредственной личной провѣркѣ текста Н. Ѳ. Сумцова по тексту оригинала, благодаря чему оказались пропуски и ошибки сравнительно въ большомъ количествѣ.

Если бы г. Бончъ-Бруевичъ обратился ко мнѣ съ просьбою о присылкѣ текста, съ котораго былъ сдѣланъ наборъ біографіи Сковороды, то я бы ему представилъ его — и тогда бы онъ, быть можетъ, не написалъ того, что написалъ теперь. То же самое бы вышло, если бы онъ сравнилъ текстъ, изданный Н. Ѳ. Сумцовымъ и мною. Но онъ предпочелъ выдвинуть голословныя, неправильныя и обидныя обвиненія, нагромождая въ нихъ Пеліонъ на Оссу, дѣлая изъ мухи слона и позволяя себѣ бросать тяжкій укоръ Харьковскому Историко-Филологическому Обществу въ томъ, что и другіе матеріалы опубликованы имъ не по подлинникамъ, хотя ихъ онъ не провѣрялъ. Г. Бончъ-Бруевичъ не только ануллируетъ признанныя критикой заслуги Общества въ дѣлѣ изданія сочиненія Сковороды, но имѣетъ смѣлость еще выражать недовѣріе ко всѣмъ остальнымъ его изданіямъ, едва ли ему даже извѣстнымъ. И дѣлаетъ онъ это съ необычайною легкостью мысли, свидѣтельствующей, конечно, только о желаніи его поднять на соотвѣтственную высоту свой собственный авторитетъ издателя. Такая элементарная психологія чувствуется и въ антитезѣ предисловія съ этимъ послѣсловіемъ: чѣмъ выше оцѣнены были г. Бончъ-Бруевичемъ мои заслуги и Общества въ предисловіи, чѣмъ стремительнѣе низвергаемся мы въ послѣсловіи, тѣмъ на бо́льшую высоту поднимаетъ себя такимъ нехитрымъ способомъ самъ г. Бончъ-Бруевичъ какъ издатель.

Посмотримъ теперь однако на то, чѣмъ г. Бончъ-Бруевичъ обязанъ изданію Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ дѣйствительности — и въ чемъ выразились его собственныя заслуги въ этомъ дѣлѣ.— Нужно suum cuique tribuere. Постараюсь дать дѣйствительную оцѣнку этихъ услугъ.

На стр. IX-й г. Бончъ-Бруевичъ сдѣлалъ внушительный перечень тѣхъ хранилищъ, откуда онъ выписалъ для себя рукописи Г. С. Сковороды, но, вѣроятно, случайно забылъ прибавить, всѣ во *всѣ* эти хранилища онъ пошелъ *вслѣдъ за мною,* по указаніямъ, сдѣланнымъ мною въ предисловіи къ Харьковскому изданію. Къ сожалѣнію, онъ самъ не производилъ поисковъ въ иныхъ хранилищахъ, между тѣмъ я уже въ предисловіи указывалъ на ихъ необходимость. Новыхъ сочиненій Сковороды кромѣ тѣхъ, которыя были указаны мною, г. Бончъ-Бруевичъ не открылъ. Такимъ образомъ, его изданіе не сдѣлало въ этомъ отношеніи новаго шага по сравненію съ предыдущими. Его заслуга — мы охотно отмѣчаемъ ее—заключается лишь въ томъ, что онъ напечаталъ три новые трактата Г. С. Сковороды, не вошедшіе въ Харьковское изданіе, а именно 1) Асхань; 2) Жену Лотову, 3) Потопъ Зміинъ и четвертый—Израильскій Змій, изъ котораго въ Харьковскомъ изданіи былъ помѣщенъ только отрывокъ. Нужно впрочемъ прибавить, что довольно подробное содержаніе всѣхъ этихъ четырехъ трактатовъ по рукописямъ было сдѣлано мною въ Харьковскомъ изданіи, а самые списки съ рукописей любезно сообщены мною г. Бончъ-Бруевичу.

Предоставляя г. Бончъ-Бруевичу списанныя переписчиками и исправленныя мною копіи сочиненій Г. С. Сковороды, я желалъ этимъ только облегчить г. Бончъ-Бруевичу трудъ ихъ переписки, и былъ увѣренъ, что онъ съ своей стороны вторично еще сличитъ ихъ съ рукописями и исправитъ незамѣченные мною пропуски и погрѣшности,—и онъ имѣлъ полную возможность сдѣлать эту нехитрую работу исправленія ошибокъ и недосмотровъ. Однако оказалось нѣчто неожиданное, странное и совершенно не корректное въ отношеніи меня и Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: получивъ во временное пользованіе только для цѣлей изданія принадлежавшія Харьковскому Историко-Филологическому Обществу копіи неизданныхъ сочиненій Г. С. Сковороды, г. Бончъ-Бруевичъ исправилъ ихъ по оригиналамъ, но вмѣнилъ мнѣ въ вину найденныя въ нихъ ошибки, хотя я и не опубликовывалъ ихъ текста, и опубликовалъ бы его только по новой, окончательной провѣркѣ, а затѣмъ онъ передалъ эту чужую собственность, безъ согласія владѣльца, т. е. Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, въ сек-

тантскій отдѣлъ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ. Тамъ онѣ получили свою нумерацію, и мнѣ стоило не малаго труда получить ихъ всѣ обратно. А что всѣ эти копіи были переданы г. Бончъ-Бруевичемъ въ Рукописный Отдѣлъ Библіотеки Академіи Наукъ, объ этомъ я узналъ только изъ его заявленія, напечатаннаго на IX-й стр. его изданія, гдѣ онъ перечисляетъ матеріалы изданія и о копіяхъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества говоритъ такъ: «копіи, присланныя Д. И. Багалѣемъ, *находились* у меня, а въ настоящее время онѣ хранятся въ сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ», а выше говорится, что туда же переданъ и Архивъ Изм. Ив. Срезневскаго. На 302-й стр., въ прим. 553-мъ г. Бончъ-Бруевичъ, разсказывая о рукописяхъ трактата «Кольцо», замѣчаетъ: «этотъ Багалѣевскій списокъ въ настоящее время хранится въ сектантскомъ отдѣлѣ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, гдѣ значится по описи: «сект. 2854». Аналогичныя заявленія о мѣстѣ храненія сдѣланы г. Бончъ-Бруевичемъ и относительно копій «Израильскаго змія» (стр. 389), «Жены Лотовой» (стр. 390) и «Асхани» (стр. 195, прим. 261). Но кромѣ этихъ четырехъ копій были переданы г. Бончъ-Бруевичемъ въ сектанскій отдѣлъ Библіотеки Академіи Наукъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ переданнаго мнѣ реестра возвращенныхъ рукописей, и 4 слѣдующія: 1) 2861 (—Потопъ Зміинъ), 2) № 2863 (переводъ соч. Плутарха о спокойствіи души); 3) № 2864 (письмо Сковороды къ Тевяшеву) и 4) № 2865 (письмо Сковороды Г. Ковалинскому). Далѣе мы увидимъ, что г. Бончъ-Бруевичъ пользовался раскритикованными имъ рукописными копіями Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества и для набора своего текста. Иб удучи такъ много обязанъ этому Обществу, распорядившись безъ его согласія присланными ему на время рукописями, онъ не постѣснялся бросить подозрѣніе въ ненаучности всѣхъ его изданій: вотъ ужъ по истинѣ гдѣ получила свое оправданіе характерная малорусская поговорка — «За мое жыто да мене й побыто». Характеренъ въ этомъ отношеніи и еще одинъ эпизодъ. Г. Бончъ-Бруевичъ сообщаетъ трогательный разсказъ о великодушномъ поступкѣ крестьянина южнорусскихъ губерній В. Н. Радзиховскаго, который пришелъ къ нему съ карточкой

отъ А. А. Шахматова и далъ ему 2000 р. на изданіе сочиненій Г. Сковороды. Къ этому однако слѣдуетъ прибавить, что В. Н. Радзиховскій первоначально обратился съ этимъ предложеніемъ ко мнѣ для изданія сочиненій Сковороды Харьковскимъ Историко-Филологическимъ Обществомъ, и я направилъ его въ Петербургъ къ А. А. Шахматову, которому передалъ для изданія собранныя мною рукописи Г. С. Сковороды. Такимъ образомъ, я не только передалъ г. Бончъ-Бруевичу матеріалы для изданія сочиненій Г. С. Сковороды, но направилъ къ нему и лицо, благодаря матеріальной поддержкѣ котораго осуществилось изданіе г. Бончъ-Бруевича, Харьковское же Историко-Филологическое Общество не получило въ свою Библіотеку отъ г. Бончъ Бруевича даже экземпляра его изданія... Sapienti sat...

Обращаемся теперь къ составу и характеру изданія самого г. Бончъ-Бруевича. 1-я вступительная проповѣдь въ курсъ Христіанскаго добронравія была уже напечатана въ Харьковскомъ изданіи, по списку съ оригинала, сдѣланному для меня Вс. Изм. Срезневскимъ; почему-то г. Бончъ-Бруевичъ не оговариваетъ въ 101-мъ примѣчаніи, что она была напечатана мною. 2-я вступительная проповѣдь также была напечатана мною по списку съ той самой рукописи, по которой ее издалъ нынѣ г. Бончъ-Бруевичъ; въ 114-мъ примѣчаніи г. Бончъ-Бруевичъ не оговариваетъ этого и только потомъ въ примѣчаніяхъ отмѣчаетъ два моихъ пропуска или вѣрнѣе два пропуска присланнаго мнѣ Всев. Изм. списка съ оригинала. «Начальная дверь ко христіанскому добронравію» также была издана мною и при томъ не по копіи, а провѣренная по подлиннику, который былъ открытъ мною въ Румянцовскомъ музеѣ. При изданіи я принималъ во вниманіе всѣ имѣвшіеся у меня списки. Напрасно поэтому г. Бончъ-Бруевичъ утверждаетъ, что я не пользовался оригиналомъ, основываясь на нѣсколькихъ несущественныхъ отступленіяхъ опубликованнаго мною текста отъ оригинала, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ явныя опечатки (вмѣсто «обрядъ» «образъ», вмѣсто «и она» пока»); въ одномъ случаѣ мой текстъ явно исправнѣе, чѣмъ г. Бончъ-Бруевича, ибо въ послѣднемъ отсутствуетъ имѣющееся у меня слово, необходимое для уясненія смысла рѣчи Г. С. Сковороды; у г. Бончъ-Бруевича напечатано: «сколько преддверіе отъ алтаря, а хвостъ отъ го-

ловы, столь далече отстоитъ преданіе»; у меня: «сколько преддверіе отъ алтаря и хвостъ отъ головы, столь далече отстоитъ преданіе *отъ закона*».

Другіе варіанты мои состоятъ въ томъ, что вмѣсто многоточія или «проч.» стоитъ подразумѣваемый текстъ: напримѣръ, у г. Бончъ-Бруевича напечатано «не пожелай»..., у меня: «не пожелай жены искренняго твоего», что болѣе соотвѣтствуетъ мысли автора; всѣхъ такихъ разночтеній у меня г. Бончъ-Бруевичъ отмѣтилъ въ этомъ трактатѣ 26, но они нисколько не мѣняютъ смысла, сами по себѣ ничтожны и не существенны и за исключеніемъ нѣсколькихъ случайныхъ пропусковъ представляютъ варіанты текста, который въ настоящее время отнюдь нельзя признать установленнымъ въ окончательномъ видѣ —это еще работа будущаго, и при томъ весьма трудная. Конечно, автографы очень важны для возстановленія точнаго смысла Сковородинскихъ трудовъ, но и они не всегда рѣшаютъ вопросъ въ окончательной формѣ, потому что одно и тоже произведеніе нерѣдко передѣлывалось и переписывалось Г. С. Сковородою и даже пріобрѣтало совершенно иную редакцію, при томъ способѣ распространенія рукописей Г. С. Сковороды, о которомъ мы говорили выше; могли быть списки съ недошедшихъ до насъ болѣе исправныхъ или лучше изложенныхъ автографовъ. Я въ свое время не задавался—да и не могъ задаваться—цѣлью сравнительнаго изученія всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописей Г. С. Сковороды. Но г. Бончъ-Бруевичъ былъ поставленъ въ столь благопріятныя условія для работы, что *могъ* уже поставить себѣ такую задачу и даже *поставилъ* ее себѣ или вѣрнѣе *хочетъ показать читателю,* что обращаетъ самое серьезное вниманіе на эту сторону дѣла —даетъ подробныя описанія рукописей, которыми пользовался, говоритъ о сравненіи текстовъ различныхъ рукописей, обращаетъ особенное вниманіе на изданный мною текстъ, для чего отмѣчаетъ всюду мои разночтенія и пестритъ свой текстъ этими послѣдними. У малоопытнаго читателя можетъ получиться иллюзія какъ бы критическаго изданія текста, по различнымъ редакціямъ, спискамъ, варіантамъ. Если бы я былъ честолюбивъ, то могъ бы возгордиться тѣмъ, что г. Бончъ-Бруевичъ повторилъ въ примѣчаніяхъ къ своему тексту *266 разъ* мою фамилію. Получилось нѣчто помпезное, не нужное для чита-

теля и странное для научнаго изданія, какимъ, очевидно, желаетъ представить свою книгу г. Бончъ-Бруевичъ. Въ самомъ дѣлѣ: если г. Бончъ-Бруевичъ желалъ дать дѣйствительное понятіе о варіантахъ текста, то долженъ былъ выбирать ихъ *только* изъ опредѣленныхъ списковъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, какъ это онъ сдѣлалъ, напримѣръ, при изданіи Израильскаго Змія или біографіи Сковороды, составленной Ковалинскимъ, въ которой отмѣтилъ разночтенія 2-хъ списковъ, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ и имъ описанныхъ. Но какое значеніе имѣютъ сдѣланныя имъ указанія на разночтенія въ моемъ изданіи сочиненій Сковороды, разъ я на вопросѣ о спискахъ не останавливался, опредѣленныхъ указаній на нихъ не дѣлалъ и пользовался при томъ только тѣми списками, которые, благодаря моимъ указаніямъ, сдѣлались доступны и г. Бончъ-Бруевичу. Это вниманіе къ нимъ г. Бончъ-Бруевича тѣмъ болѣе странно, что у него установилось въ отношеніи ихъ скептическое отношеніе. Логическій принципъ дѣленія понятія оказывается нарушеннымъ имъ, ибо рядомъ съ реальными списками, хранящимися въ разныхъ хранилищахъ, теперь выдвинуты на сцену еще и «Багалѣевскіе списки», которые въ дѣйствительности однако не являются чѣмъ-либо новымъ, а только воспроизводятъ существующіе тексты.

4-й трактатъ Г. С. Сковороды — «Наркисъ» или «разглаголъ о томъ узнай себе» — напечатанъ г. Бончъ-Бруевичемъ по изданному мною тексту, который онъ провѣрялъ при корректурѣ съ фотографическимъ снимкомъ съ оригинала, хранящагося въ Румянцовскомъ музеѣ. Въ моемъ текстѣ, списанномъ съ того же оригинала, онъ нашелъ 10 ошибокъ, состоящихъ изъ пропусковъ и опечатокъ, но не отрицаетъ, что онъ напечатанъ по автографу. Здѣсь не могу не отмѣтить методологическаго промаха издателя, что онъ положилъ въ основу изданія мой печатный текстъ, когда было бы правильнѣе, чтобы онъ воспользовался для этого тою рукописною копіей, по которой былъ напечатанъ изданный мною текстъ — тогда бы ему не нужно было создавать особыя примѣчанія для опечатокъ моего текста; а еще правильнѣе было бы вести изданіе по *собственному* списку съ фотографическаго снимка съ оригинала; но здѣсь, какъ и въ дальнѣйшемъ, обнаружилась та смѣшанная система изданія памятниковъ у г. Бончъ-Бруевича, на которую я ука-

зывалъ выше и которая можетъ возбудить сомнѣнія относительно точности изданнаго имъ текста; во всякомъ случаѣ едва ли послѣдовательно было пользоваться текстами того Общества, которому былъ брошенъ упрекъ въ ненаучномъ ихъ изданіи, тѣмъ болѣе, что никакой надобности въ этомъ и не было, ибо въ рукахъ г. Бончъ-Бруевича былъ фотографическій снимокъ съ оригинала... Отмѣтимъ здѣсь кстати одну странность послѣсловія г. Бончъ-Бруевича къ трактату Г. С. Сковороды «Наркисъ» (стр. 121): въ перечнѣ *копій* этого произведенія онъ почему то помѣщаетъ и *оригиналъ* его.

5-й трактатъ — «Асхань». Напечатанъ г. Бончъ-Бруевичемъ по моей непровѣренной копіи, снятой съ рукописи Кіевской Духовной Академіи тогда еще, когда не были отысканы мною рукописи Г. С. Сковороды въ Румянцовскомъ музеѣ. О важномъ значеніи этой коллекціи рукописей я сказалъ на CX—CXI стр. Харьковскаго изданія. Г. Бончъ-Бруевичъ исправилъ мою копію по оригиналу Румянцовскаго музея. Въ Харьковское изданіе этотъ трактатъ не вошелъ.

6-й трактатъ — «Бесѣда, нареченная двое о томъ, что блаженнымъ быть легко» — былъ напечатанъ въ Харьковскомъ изданіи. Отступленій отъ опубликованнаго мною текста г. Бончъ-Бруевичъ не отмѣчаетъ. Г. Бончъ-Бруевичъ напечаталъ его по копіи съ фотографическаго списка Румянцовскаго музея. 7-й трактатъ — «Разговоръ дружескій о душевномъ мирѣ» — былъ напечатанъ мною въ Харьковскомъ изданіи по копіи Кіевской Духовной Академіи; г. Бончъ-Бруевичъ напечаталъ его по копіи (оригиналъ не найденъ) Румянцовскаго музея; отсюда разночтенія текстовъ, отмѣченныя г. Бончъ-Бруевичемъ; въ общемъ они не существенны, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разночтенія моего списка удачнѣе, чѣмъ опубликованнаго г. Бончъ-Бруевичемъ (у меня — «подъкомандныя», у г. Бончъ-Бруевича «подкомандующіе», у меня — «мучительство», у г. Бончъ-Бруевича «мученіе», у меня «усвоили», у г. Бончъ-Бруевича «присвоила», у меня — «словотолковниковъ», у г. Бончъ-Бруевича «словотолковъ», у меня — «не спорю», у г. Бончъ-Бруевича—«не спорь» и др.). 8-й трактатъ «Кольцо. Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ» представляетъ распространенную редакцію предыдущаго. Въ одномъ примѣчаніи къ нему (548)

г. Бончъ-Бруевичъ говоритъ, что напечаталъ ее съ фотографической копіи съ этой рукописи, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ, а въ 553-мъ примѣчаніи выражается точнѣе и опредѣленнѣе, что въ его распоряженіи была и предоставленная ему мною копія съ этой же рукописи—«копія хорошая, точная». «Начиная съ оборота 35-го листа рукописи, прибавляетъ г. Бончъ-Бруевичъ (см. 282 стр. этой книги) мы пользовались этимъ Багалѣевскимъ спискомъ для набора, такъ какъ фотографическая копія оказалась слишкомъ затруднительной по почерку для наборщиковъ» (стр. 302). 9-й трактатъ—«Діалогъ или Разглаголъ о древнемъ мірѣ»—былъ напечатанъ въ Харьковскомъ изданіи по оригиналу, хранящемуся въ Румянцовскомъ музеѣ. Съ этого же оригинала онъ перепечатанъ и г. Бончъ-Бруевичемъ. 10-й трактатъ—«Разговоръ, называемый алфавитъ или букварь мира»—былъ напечатанъ въ Харьковскомъ изданіи съ той же рукописи Кіевской Духовной Академіи, съ какой нынѣ ее перепечаталъ г. Бончъ-Бруевичъ. Никакихъ отступленій отъ текста въ Харьковскомъ изданіи г. Бончъ-Бруевичъ не отмѣчаетъ. Очень жаль, однако, что г. Бончъ-Бруевичъ не помѣстилъ тѣхъ любопытныхъ рисунковъ, которыми иллюстрированъ текстъ рукописи Кіевской Духовной Академіи. 11-й трактатъ—«Израильскій змій»—напечатанъ г. Бончъ-Бруевичемъ по моей копіи съ оригинала, принадлежащаго Харьковскому Историко-Филологическому Обществу; корректура свѣрялась по оригиналу; кромѣ того были приняты во вниманіе и указаны разночтенія другого оригинала, хранящагося въ Румянцовскомъ музеѣ и представляющаго первоначальную редакцію. Въ Харьковскомъ изданіи былъ помѣщенъ только отрывокъ изъ этого трактата. 12-й трактатъ—«Жена Лотова»—не былъ напечатанъ въ Харьковскомъ изданіи, но г. Бончъ-Бруевичу была передана мною копія съ оригинала, открытаго мною въ Румянцовскомъ музеѣ. По ней г. Бончъ-Бруевичемъ производился наборъ, корректура коего свѣрялась съ фотографической копіей. Г. Бончъ-Бруевичъ, конечно, долженъ былъ исправить мою копію и свѣрить ее съ подлинникомъ, какъ сдѣлалъ бы и я при изданіи этой рукописи, но, продѣлавъ эту черновую, кабинетную работу и воспользовавшись моею рукописью, значительно облегчившей его трудъ, онъ со свойственною ему корректностью голословно прибавляетъ: «Багалѣевская копія переписана

небрежно—съ ошибками, произвольными измѣненіями орѳографіи Сковороды и даже съ пропусками». Все это однако не помѣшало г. Бончъ-Бруевичу пожертвовать и эту рукопись въ сектантскій отдѣлъ рукописей Академіи Наукъ, давъ ей номеръ 2858, и мнѣ немалаго труда стоило вернуть эту рукопись ея собственнику—Харьковскому Историко-Филологическому Обществу. Теперь эта рукопись у меня на письменномъ столѣ, и я тщетно стараюсь найти въ ней доказательства небрежности ея переписки и исправленій г. Бончъ-Бруевича[1]). Что же касается измѣненія орѳографіи, то таковую допускаетъ и г. Бончъ-Бруевичъ: вѣдь подлинникъ трактата «Діалогъ о древнемъ мірѣ» написанъ безъ твердыхъ и мягкихъ знаковъ, а г. Бончъ-Бруевичъ возстанавливаетъ и тѣ, и другіе, а въ предисловіи онъ заявлялъ (стр. XI), что оставляетъ «неприкосновенной» орѳографію Сковороды, замѣняя только большія буквы малыми и придерживаясь современности въ разстановкѣ знаковъ препинанія. 13-й трактатъ—«Брань архистратига Михаила съ сатаною»—былъ напечатанъ въ Харьковскомъ изданіи по подлиннику Румянцовскаго музея, и теперь перепечатывается г. Бончъ-Бруевичемъ по моему печатному тексту, провѣренному по фотографической копіи, снятой съ оригинала.

Г. Бончъ-Бруевичъ вездѣ подчеркиваетъ безусловную точность публикуемыхъ имъ текстовъ. Мы не могли принять на себя труда ихъ свѣрки съ подлинниками. Но a priori полагаемъ, что и въ текстахъ г. Бончъ-Бруевича могли бы оказаться при такой провѣркѣ ошибки и опечатки, подобно тому какъ это имѣло мѣсто въ опубликованныхъ мною текстахъ. И это апріорное предположеніе повидимому оправдывается на дѣлѣ. Въ Харьковскомъ изданіи на стр. 198-й прим. 1-е напечатано правильно—Σειρήν, у г. Бончъ-Бруевича (стр. 421-я, прим. 655а) неправильно Σείρυν; въ Харьковскомъ изданіи, на стр. 204-й, примѣчаніе 1-е приведенъ греческій текстъ изъ Эврипида и затѣмъ слѣ-

1) Отмѣчу кстати и другую болѣе существенную некорректность г. Бончъ-Бруевича: ему было дано согласіе мое на переписку рукописей Сковороды (стр. VIII), а онъ помѣстилъ у себя и портретъ Сковороды, гравированный для Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества проф. Матэ, очевидно, безъ его согласія, ибо, выражая благодарность многимъ лицамъ—г. типографу Вольфу и его наборщикамъ,—не упоминаетъ о г. Матэ.

дуетъ примѣчаніе къ этому стиху профессора греческаго языка въ Харьковскомъ университетѣ Я. А. Денисова—ссылка на Науковское изданіе Эврипида; г. Бончъ-Бруевичъ для украшенія *своего изданія* перепечатываетъ это примѣчаніе проф. Я. А. Денисова, который однако ему согласія на эту перепечатку не давалъ и кромѣ того, какъ спеціалистъ въ области греческой словесности, могъ быть непріятно пораженъ той искаженной греческой формой, въ какой приведенъ у г. Бончъ-Бруевича текстъ изъ Эврипида у Сковороды по сравненію съ Харьковскимъ изданіемъ: въ Харьковскомъ изданіи греческій текстъ былъ напечатанъ такъ — Ὦ χρυσὲ δεξίωμα κάλλιστον βροτοῖς; у г. Бончъ-Бруевича въ искаженномъ видѣ—ω χρυσὲξ δεξίωμα κάλλιστον βροτοῖς. Въ Харьковскомъ изданіи на стр. 209-й, прим. 1-й, текстъ Сковороды изъ Эпикура приведенъ въ такой формѣ—χαῖρε τῇ μακαρίᾳ φύσει ὅτι τὰ ἀναγκαῖα ἐποίησεν εὐπόριστα, τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα; у г. же Бончъ-Бруевича неправильно такъ: χάρισε, τῇ μακαρίᾳ φύσει ὅτι τὰ ἀναγκαῖα ἐποίησεν εὐπόρισα τὰ δὲ δυσπόριστα οὐκ ἀναγκαῖα.

14-ый трактатъ—Пря Бѣсу со Варсавою—былъ напечатанъ въ Петербургскомъ изданіи (Лисенка) сочиненій Сковороды по рукописи, хранящейся нынѣ въ Библіотекѣ Харьковскаго университета. Г. Бончъ-Бруевичемъ онъ напечатанъ болѣе исправно. 15-е сочиненіе—Благодарный Еродій—было напечатано въ Харьковскомъ изданіи по открытому мною оригиналу въ Румянцовскомъ музеѣ. Г. Бончъ-Бруевичъ перепечаталъ его съ моего печатнаго текста, свѣреннаго съ оригиналомъ г-жею В. М. Бончъ-Бруевичъ. 16-е сочиненіе—Убогій Жайворонокъ—было напечатано въ Харьковскомъ изданіи, но не по рукописи, каковой не было найдено, а по печатному тексту, изданному въ 1837 году въ Москвѣ Моск. Попеч. Ком. Имп. Человѣколюбиваго Общества и въ Петербургскомъ изданіи Лисенкова. Г. Бончъ-Бруевичъ перепечаталъ это сочиненіе безъ измѣненій изъ Харьковскаго изданія. 17-й трактатъ—Потопъ Зміинъ—появляется въ печати у г. Бончъ-Бруевича впервые, но онъ его напечаталъ по моей копіи съ оригинала, хранящагося въ Румянцовскомъ музеѣ; корректура свѣрена была съ фотографической копіей того же оригинала. По поводу моей копіи г. Бончъ-Бруевичъ пи-

шетъ (стр. 493): «въ этой копіи переписчикомъ были сдѣланы значительные пропуски (напримѣръ, нѣтъ всего письма Сковороды къ его другу Ковалинскому, находящемуся (?) въ началѣ рукописи)». По этому поводу долженъ замѣтить, что письма я предполагалъ помѣстить въ своемъ изданіи особымъ сборникомъ — вотъ почему его не оказалось при рукописи. Отступленій отъ подлиннаго текста г. Бончъ-Бруевичъ въ моей копіи не отмѣчаетъ.

Изъ этого детальнаго обзора сочиненій Сковороды, напечатанныхъ въ изданіи г. Бончъ-Бруевичемъ, ясно видно, чѣмъ это изданіе обязано Харьковскому Историко-Филологическому Обществу и мнѣ, какъ его редактору. Новый издатель не вышелъ за предѣлы матеріаловъ, частію опубликованныхъ въ Харьковскомъ изданіи, частію открытыхъ и переписанныхъ мною для 2-го тома, а затѣмъ любезно переданныхъ въ его распоряженіе. Но за эту любезность я встрѣтилъ укоры и осужденіе, мотивированныя ошибками моихъ переписчиковъ, между тѣмъ какъ исправленіе этихъ ошибокъ лежало на новомъ издателѣ—къ этому вѣдь въ сущности и свелся его главный трудъ. Дѣлая видъ, что эти ошибки переписчиковъ привели его въ изумленіе, и создавъ на основаніи нихъ цѣлый обвинительный актъ противъ меня и Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, набросивъ тѣнь на точность изданныхъ текстовъ, г. Бончъ-Бруевичъ въ то же самое время, впадая во внутреннее противорѣчіе съ этимъ заявленіемъ, положилъ эти тексты въ основу собственнаго изданія, вмѣсто того чтобы совершенно эмансипироваться отъ нихъ и издать сочиненія Сковороды непосредственно по рукописямъ и фотографическимъ снимкамъ съ нихъ, бывшимъ въ его распоряженіи. Въ концѣ же концовъ всякій непредубѣжденный читатель видитъ, что ошибки и опечатки текста Харьковскаго изданія не существенны и что это изданіе, сыгравшее столь крупную роль въ научномъ изученіи твореній Г. С. Сковороды, и впредь можетъ и должно сохранить свое значеніе; изданіе же г. Бончъ-Бруевича имѣетъ главнымъ образомъ значеніе въ томъ отношеніи, что даетъ четыре новыхъ труда Сковороды и пятый въ дополненномъ видѣ; но и всѣ они были открыты мною и должны были войти во 2-й приготовленный мною къ печати томъ собранія сочиненій украинскаго философа. Въ заслугу г. Бончъ-Бруевичу нужно поставить

также его заботу о возможно точномъ воспроизведенiи текста и его старанiе разобраться въ многочисленныхъ рукописяхъ сочиненiй Г. С. Сковороды; здѣсь впрочемъ онъ не идетъ далѣе внѣшняго ихъ описанiя; вопросъ же объ относительномъ значенiи ихъ остается далекимъ отъ окончательнаго рѣшенiя, такъ какъ ознакомленiе г. Бончъ-Бруевича со многими рукописями было мимолетное. Съ перваго взгляда казалось бы, что рѣшающее значенiе имѣютъ автографы, но, во 1-хъ, не всѣ автографы сохранились, слѣдовательно, является необходимость подчасъ опредѣлять и относительное значенiе списковъ, а во 2-хъ, нѣкоторые списки могутъ не потерять своего значенiя и при существованiи автографовъ, будучи списаны съ недошедшихъ до насъ редакцiй автографовъ. Въ какой мѣрѣ г. Бончъ-Бруевичу удалось избѣжать ошибокъ, пропусковъ, искаженiй и опечатокъ въ текстѣ—теперь пока объ этомъ судить трудно; но способъ его собственной работы, вскрытый нами въ подробностяхъ, главнымъ образомъ на основанiи его собственныхъ признанiй, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ изданiя, не можетъ удовлетворить такимъ строгимъ требованiямъ, какiя онъ примѣнилъ къ Харьковскому изданiю. Впрочемъ едва ли г. Бончъ-Бруевичу есть основанiе безпокоиться на счетъ систематическаго исправленiя его возможныхъ ошибокъ и опечатокъ. Я увѣренъ, что новый издатель не приметъ на себя этого неблагодарнаго труда, а положитъ въ основу своего изданiя не опубликованный г. Бончъ-Бруевичемъ текстъ и не собранную имъ коллекцiю списковъ—Багалѣевскихъ, Бончъ-Бруевическихъ и т. д., а рукописи, которыя будутъ изучены и свѣрены одна съ другой; при этомъ онъ не станетъ посвящать особаго примѣчанiя каждой изъ опечатокъ г. Бончъ-Бруевича. Такъ бы я рекомендовалъ поступить и самому г. Бончъ-Бруевичу, если ему придется дѣлать новое изданiе своей книги тѣмъ болѣе, что на это повторенiе надѣется онъ самъ (стр. XIII) и не *считая себя застрахованнымъ отъ ошибокъ,* убѣдительно проситъ читателей сообщать ему *всѣ недочеты* въ изданiи, желательныя улучшенiя и пр. Такимъ образомъ, и я критическимъ разборомъ изданiя г. Бончъ-Бруевича пошелъ на встрѣчу этому его пожеланiю. А если я остановился преимущественно на недостаткахъ труда, то это, во 1-хъ, опять-таки соотвѣтствуетъ желанiю издателя, выраженному имъ въ предисловiи, а во 2-хъ, это объясняется

тѣмъ, что о достоинствѣ изданія вообще, особенно же по сравненію съ Харьковскимъ подробно говорилъ, какъ это мы видѣли, самъ г. Бончъ-Бруевичъ, и я, такимъ образомъ, вынужденъ былъ нѣсколько исправить его ошибочную историческую перспективу.

VIII.

Въ заключеніе я долженъ остановиться еще на одномъ чрезвычайно важномъ вопросѣ, входящемъ въ программу моей статьи: какія работы о Г. С. Сковородѣ вызвало появленіе въ свѣтъ изданія г. Бончъ-Бруевича. Такихъ работъ, если не считать рецензій на это изданіе, на коихъ я остановлюсь ниже, пока еще, сколько мнѣ извѣстно, не появилось, хотя книга вышла еще въ 1912 году. Но самимъ г. Бончъ-Бруевичемъ уже положено начало этого изученія въ 1-мъ же томѣ его изданія, во 2-мъ же томѣ онъ обѣщаетъ дать «общій очеркъ ученія Гр. С. Сковороды въ связи съ народнымъ ученіемъ духовнаго христіанства» (стр. X). Я принципіально ничего не имѣю противъ помѣщенія такого общаго очерка во 2-мъ томѣ, но долженъ рѣшительно, въ интересахъ научности изданія, протестовать противъ того, что въ этомъ смыслѣ сдѣлано г. Бончъ-Бруевичемъ относительно Сковороды въ 1-мъ разбираемомъ мною томѣ: стоя такъ энергично на стражѣ подлиннаго текста сочиненій Г. С. Сковороды, г. Бончъ-Бруевичъ въ то же время пытается одѣть Сковороду въ сектантскій мундиръ, и даже болѣе того—преподноситъ его читателямъ въ искаженномъ и несвойственномъ ему образѣ сектантскаго мыслителя и пророка.

Въ этомъ отношеніи характерно уже и заглавіе, которое даетъ своей книгѣ г. Бончъ-Бруевичъ: выше того заглавія, которое, казалось, должно было быть единственнымъ (Собраніе сочиненій Г. С. Сковороды. Томъ I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Владиміра Бончъ-Бруевича) имѣется другое, очень характерное и при томъ на двухъ языкахъ—русскомъ и французскомъ: *Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества.* Вып. 5. *Materiaux pour servirl à 'histoire des sectes russes. Livraison 5.* Почему-то для русскихъ читателей фигурируютъ

и сектанты и старообрядцы, а для иностранныхъ только сектанты. И русскому, и иностранному читателю во всякомъ случаѣ сочиненія Г. С. Сковороды рекомендуются такимъ заглавіемъ, какъ матеріалъ для исторіи русскаго сектантства, слѣдовательно, какъ сочиненія сектантскаго содержанія и характера. Сочиненія Сковороды вводятся г. Бончъ-Бруевичемъ въ серію издаваемыхъ имъ памятниковъ специальной сектантской литературы, куда ранѣе уже вошли въ 4 предыдущіе выпуска, матеріалы такихъ сектъ, какъ баптисты, бѣгуны, духоборы, штундисты, скопцы, свободные христіане, новый израиль, и куда вслѣдъ за сочиненіями Сковороды въ 7-й выпускъ предположено ввести сочиненія Ан. Щетинина—основателя секты «старый израиль». Такимъ образомъ, Сковорода, который былъ страшно далекъ отъ сектанства, принципіально его отрицалъ, оказывается теперь, благодаря новому издателю его сочиненій, въ центрѣ сектанства—по серединѣ между новымъ и старымъ израилемъ. И, конечно, при такихъ условіяхъ, специальные читатели матеріаловъ по исторіи русскаго сектантства, естественно, увидятъ въ Сковородѣ родоначальника одной изъ сектъ, такъ какъ къ этому ложному взгляду ихъ приводитъ самъ издатель. Этимъ въ корнѣ подрывается значеніе новаго изданія съ научно-объективной точки зрѣнія, ибо умаляется значеніе Сковороды, какъ оригинальнаго мыслителя философа: кто издаетъ сочиненія Сковороды, какъ сектантскіе, тотъ извращаетъ духовный обликъ его передъ читателями, тотъ преподноситъ имъ не подлиннаго, настоящаго Сковороду, а *своего* Сковороду, какъ онъ ему представляется, а это будетъ фальсификатъ Сковороды. Мы не отрицаемъ права г. Бончъ-Бруевича, *какъ изслѣдователя,* устанавливать на Сковороду какой угодно ему взглядъ, хотя бы онъ былъ совершенно не состоятельный,—его вѣдь оцѣнивали съ разныхъ, подчасъ діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія—но современный издатель, преслѣдующій не субъективныя, а исключительно научныя цѣли, знакомый съ этими подчасъ странными мнѣніями, бывшими не рѣдко результатомъ недостаточнаго знакомства со всѣми сочиненіями Сковороды, *обязанъ* дать текстъ, не затемненный примѣчаніями, содержащими аналогіи съ вѣроученіемъ сектантовъ. Къ сожалѣнію, г. Бончъ-Бруевичъ и въ замѣткѣ отъ редакціи, и въ своихъ примѣчаніяхъ превращаетъ Сковороду въ сектанта-израиль-

тянина. «Еще въ 1900 году, пишетъ онъ, когда я приступилъ къ систематическому изученію міровоззрѣнія русскихъ духовныхъ христіанъ-израильтянъ, мнѣ пришлось также ознакомиться съ писаніями Г. С. Сковороды въ томъ видѣ, въ какомъ они имѣлись въ печатной литературѣ того времени. Еще тогда мнѣ бросилось въ глаза разительное сходство ученія украинскаго старца съ тѣмъ глубоко народнымъ широко распространеннымъ въ Россіи религіозно общественнымъ ученіемъ, которому духовенство господствующей церкви, во главѣ съ гг. миссіонерами, дало и даетъ презрительную кличку «хлыстовства» и которое въ сущности является весьма цѣннымъ, вразумительнымъ, интереснымъ и важнымъ, и можетъ, быть наиболѣе древнимъ пониманіемъ христіанства. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на сравнительномъ изученіи твореній Г. С. Сковороды, мы не будемъ также излагать здѣсь ученіе Г. С., равно какъ не будемъ высказывать наше мнѣніе на установившійся въ литературѣ взглядъ на міровоззрѣніе Г. С. Сковороды, полагая подробно на всемъ этомъ остановиться при изданіи 2-го тома, когда будутъ опубликованы всѣ остальныя дошедшія до насъ творенія Г. С. Сковороды. Мы бѣгло упомянули здѣсь о сродствѣ, близости, а нерѣдко и полной тождественности ученія Сковороды съ ученіемъ русскихъ израильтянъ только для того, чтобы наши читатели могли понять, почему именно мы издаемъ сочиненія Сковороды въ нашей серіи «Матеріаловъ по сектантству». Мы непоколебимо убѣждены, что Г. С. Сковорода былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ теоретиковъ русскихъ «духовныхъ христіанъ», талантливо изложивши въ своихъ писаніяхъ то, что *повсюду кругомъ него говорилось и обсуждалось въ тайныхъ общинахъ народной массы,* что онъ *добавилъ и развилъ это ученіе* и *оказалъ огромное вліяніе* на дальнѣйшій ходъ мысли во все развивавшихся, все крѣпнувшихъ, не смотря на всѣ преслѣдованія, самобытныхъ ячейкахъ носителей народнаго религіозно-общественнаго творчества. Если кто хочетъ знать и понять дошедшее до насъ древнее ученіе «духовныхъ христіанъ», тотъ долженъ тщательно изучать творенія Г. С. Сковороды, такъ какъ они несомнѣнно являются тѣмъ крѣпкимъ мостомъ, который соединяетъ творчество мысли «духовныхъ христіанъ», XIX-го и XX-го вв. съ творчествомъ мысли русскихъ израильтянъ вѣковъ минувшихъ, отъ

которыхъ, къ сожалѣнію, осталось крайне малое письменное наслѣдіе, такъ какъ все «еретическое», т. е. несогласное съ мнѣніемъ православнаго духовенства тогда, какъ нерѣдко и теперь, варварски уничтожалось представителями господствующей ортодоксіи» (стр. VII—VIII). Итакъ, Г. С. Сковорода, одинъ изъ главныхъ теоретиковъ, т. е. идеологовъ духовныхъ христіанъ, воспринявшій ихъ ученіе—то, что́ повсюду кругомъ него говорилось и обсуждалось. Это сенсаціонное открытіе, къ сожалѣнію, совершенно не доказывается г. Бончъ-Бруевичемъ, и мы должны теперь пока вѣрить ему на слово, потому что таково его убѣжденіе. Другимъ откровеніемъ г. Бончъ-Бруевича является мысль о томъ, что Г. С. Сковорода оказалъ огромное вліяніе на современныхъ духовныхъ христіанъ; оно также ничѣмъ не доказывается и его также нужно принимать на вѣру читателямъ. Можно было бы примириться съ этими «предварительными сообщеніями» г. Бончъ-Бруевича только при одномъ условіи—если бы они были доказаны въ предшествующей научной литературѣ о Сковородѣ. Но этого именно и не было: мысль о связи Сковороды съ русскимъ сектантствомъ высказывалась вскользь, мимоходомъ и не покоится на твердыхъ устойчивыхъ основахъ. Болѣе или менѣе подробно на ней останавливался только П. Н. Милюковъ въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры». Но и онъ далекъ отъ крайностей взгляда г. Бончъ-Бруевича. «Не принадлежа самъ ни къ какой сектѣ, говоритъ П. Н. Милюковъ, и не разрывая открыто съ церковью, Сковорода въ душѣ былъ сектантомъ и взгляды его, за исключеніемъ развѣ ученія о предсуществованіи душъ, совершенно совпадали во взглядами *духоборцевъ*. Всѣ сочиненія Сковороды, очень цѣнимыя нашими сектантами, есть не болѣе какъ одушевленная пропаганда «духовнаго христіанства». Далѣе, указавъ на изложеніе оффиціальнаго исповѣданія Екатеринославскими духоборцами въ 1791 г. Екатеринославскому губернатору Каховскому, П. Н. Милюковъ прибавляетъ: «*и тѣмъ не менѣе трудно доказать, чтобы тутъ было прямое заимствованіе*» (Очерки, ч. 2-е, страницы 108—112). Итакъ, даже по мнѣнію П. Н. Милюкова, Сковорода не принадлежалъ ни къ какой сектѣ и было только сходство въ его воззрѣніяхъ съ духовнымъ христіанствомъ, но трудно доказать заимствованіе ученія Сковороды отъ духоборцевъ. Мы должны прибавить, что и

самое совпаденіе ученія Сковороды съ сектантскимъ не доказано, на нашъ взглядъ П. Н. Милюковымъ; если же современные сектанты цѣнятъ сочиненіе Сковороды, то это еще отнюдь не свидѣтельствуетъ о генетической связи ихъ ученія съ ученіемъ Сковороды. По свидѣтельству же Ковалинскаго, Сковорода возмущался, когда его называли еретикомъ, послѣдователемъ Манихейской ереси и заявлялъ, что это противно природѣ, духу его ученія. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Ковалинскій даетъ слѣдующее драгоцѣннѣйшее свидѣтельство, не оставляющее никакихъ сомнѣній объ отношеніи Сковороды къ сектантству: «Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностью, а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли или главной мудрости. Я не знаю мартинистовъ, продолжаетъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; ежели они *особничествуютъ въ правилахъ и обрядахъ,* чтобы казаться мудрыми (читай о семъ соч. его «Потокъ Зміинъ», гл. 3-я, въ концѣ), то я не хочу ихъ знать; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего имъ *особничествовать.* Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты; на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатлѣнъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ»... Это же подтверждаетъ и самъ Сковорода въ письмѣ къ нѣкоему Василію Максимовичу. Такимъ образомъ, устанавливается принципіально отрицательное отношеніе Сковороды къ сектантству.

Между тѣмъ г. Бончъ-Бруевичъ, не довольствуясь своими заключеніями о связи Сковороды съ сектантствомъ, высказанными въ предисловіи, позволяетъ себѣ дѣлать—что уже совершенно недопустимо—аналогичныя примѣчанія и къ тексту его сочиненій (См., напр., стр. 81, 127, 159, 167, 224, 234, 306 и др.). Образчикомъ примѣчаній можетъ служить, напримѣръ, 563-е, гдѣ къ тексту Сковороды о человѣкѣ сдѣлана такая замѣтка—«разсужденія Г. С. Сковороды о *человѣкѣ* до поразительности совпадаютъ съ разсужденіями о немъ же крайне интересной намъ современной вѣтви русскаго израиля, называющейся «Начало вѣка», которой мы посвящаемъ десятый выпускъ нашихъ «Ма-

теріаловъ» (стр. 311). Такимъ образомъ, здѣсь примѣняется довольно странный, необычный методъ объясненія ученія Сковороды изъ ученія новѣйшаго сектантскаго ученія «Начало вѣка»; это, такъ сказать, ретроспективный методъ, но только навыворотъ. То же мы видимъ и въ 599 примѣчаніи. Конечно, это только портитъ текстъ Сковороды.

Я окончилъ свой разборъ изданія г. Бончъ-Бруевича. Быть можетъ, скажутъ, что онъ очень строгъ. Да, онъ вышелъ строгимъ, потому что я остановился почти исключительно на его недочетахъ; но о томъ, какъ серьезно велось изданіе, сказано не мало самимъ издателемъ. И это потомъ повторили и подхватили и тѣ критики, которые писали о немъ по предисловію самого издателя. Такимъ характеромъ отличаются рецензіи, помѣщенныя въ Харьковскихъ газетахъ: «Утро» и «Южный Край». Но появилась и серьезная рецензія, принадлежащая перу извѣстнаго автора г. Философова (газ. Рѣчь, 1913, № 135), дающая сравнительную оцѣнку моего изданія и г. Бончъ-Бруевича. «Къ своему предшественнику Д. И. Багалѣю, пишетъ Д. Философовъ, г. Бончъ-Бруевичъ очень строгъ...» Приведя цитату, указывающую на отношеніе ко мнѣ г. Бончъ-Бруевича, рецензентъ продолжаетъ: «Ужъ очень строгъ г. Бончъ-Бруевичъ. Врядъ ли недосмотры въ изданіи сочиненій Сковороды обязываютъ насъ относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ трудамъ Харьковскаго ученаго Общества! Вѣримъ, что г. Бончъ-Бруевичъ относится къ своему дѣлу болѣе добросовѣстно... Но этими достоинствами не устраняется основной недостатокъ его начинанія: странный взглядъ на Сковороду исключительно какъ на сектанта и родоначальника «духовныхъ христіанъ» и «Новаго израиля». Доказательству связи Сковороды съ сектантствомъ можетъ быть посвящено особое изслѣдованіе. Но къ изданію *текста* сочиненій Сковороды современные русскіе сектанты никакого отношенія не имѣютъ. Г. Бончъ-Бруевичъ началъ съ того, что впихнулъ Сковороду въ 5-й томъ своихъ «Матеріаловъ къ ист. и изуч. рус. сект.». Поставилъ его наравнѣ съ баптистами, бѣгунами, духоборцами и потому значительно сузилъ значеніе украинскаго философа. Этимъ однако г. Бончъ-Бруевичъ не ограничился. Онъ взялъ на себя смѣлость снабдить сочиненія Сковороды крайне странными примѣчаніями... Г. Бончъ-Бруевичу слѣдовало или совсѣмъ отказаться отъ примѣчаній, или показать намъ

источники сбивчивой мысли Сковороды. Сковорода внимательно изучалъ Климента Александрійскаго, Оригена, Максима Исповѣдника, Филона, Плутарха, Платона, Ньютона и т. д. Если бы г. Бончъ-Бруевичъ привелъ параллельныя мѣста изъ сочиненій выше означенныхъ учителей церкви и философовъ, это имѣло бы смыслъ и большое значеніе для пониманія Сковороды. Конечно, такая работа не подъ силу г. Бончъ-Бруевичу. Но тогда надо быть скромнѣе. Не обвинять Харьковское научное Общество въ недобросовѣстности и не уродовать Сковороду нелѣпыми примѣчаніями. Г. Бончъ-Бруевичъ старается превратить Сковороду въ современнаго намъ новоизраильтянина... Сковорода достоинъ любви и уваженія. Какъ человѣкъ и какъ мыслитель, онъ достоинъ объективнаго изученія. Но мы объективности еще не научились. Желанія у гг. Эрна и Бончъ-Бруевича очень добрыя. Но увлеченные своими тенденціями, они забыли о самомъ Сковородѣ. Одинъ подмалевалъ его подъ современнаго новоизраильтянина, другой, не считаясь съ его внутренней трагедіей, снисходительно потрепалъ его по плечу и примирилъ съ Синодомъ. Въ изданіи Багалѣя есть погрѣшности. Но до сихъ поръ оно все-таки остается лучшимъ. Потому что оно построено на правильномъ научномъ методѣ, потому что оно не искажаетъ сложнаго облика странствующаго мистика».

Д. И. Багалѣй.

